

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

5 октября 2018 года, в День учителя, состоится шестое вручение Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского в номинации «Русская словесность». Предлагаем вашему вниманию тексты, выдвинутые на соискание премии.

VI

На фото (слева направо) в первом ряду: Елизавета Болога, Анастасия Черехаева, Мария Трофимова, Мария Тарасова, Елизавета Булаева, Полина Бондаренко, Наталья Соболева; во втором ряду: Вячеслав Андреев, Павел Грицай, Виктория Хуснутдинова, Ксения Чечелева, Варвара Пивнюк, Даниил Гвоздев, Артемий Рязанов, Екатерина Сергеева, Петр Алфимов, Матвей Писаренко, Николай Цибин.

Юрий Брониславович Пирятинский

Эта премия создана в память о нашем друге – учителе, который проработал в красном здании на 2-й Пугачевской всю свою жизнь.

«Учитель, у которого не было другой жизни, кроме жизни школы и его учеников-воспитанников. Один из лучших за все время существования школы воспитателей и предметников одновременно.

Педагог, который считал свой предмет – русский язык – великим средством воспитания.

Педагог, который был классным руководителем самых тяжелых классов, причем требовал такие классы себе сам.

Учитель, который чудесным образом мог изменять в лучшую сторону внутренний мир ребенка, даже самого трудного.

Автор «педагогике Пирятинского», которую трудно описать словами, но которая известна всем, кто у него учился и кто рядом с ним работал.

Человек железных принципов, с юности и до самой смерти. И, конечно, никогда и ничего – для себя, все – для своих учеников и товарищей.

Такой вот наш Януш Корчак».

Так написал о Юрии Брониславовиче Пирятинском один из отцов-основателей гимназии № 1505 и один из учредителей нашей премии – Михаил Владимирович Левит.

Юрий Брониславович прожил необычную по нынешним временам жизнь. Хотя бы потому, что

смыслом всей этой жизни была не семья, не работа и уж, тем более, не заработок, а служение тому делу, к которому он был призван судьбой, тем людям, которые его окружали на всем протяжении его несправедливо короткой, но

такой – на зависть многим – удивительно честно прожитой жизни.

Перечислим лишь некоторые ее вехи.

Он родился 22 ноября 1955 года в родильном доме имени Грауэрмана на Арбате. Там же – в самом центре Москвы – прошло его озорное детство. В 1973 году окончил среднюю школу № 446, что находилась за бывшим Дворцом культуры МЭЛЗ на площади Журавлева, в 1977-м – филологический факультет Московского областного пединститута имени Н. К. Крупской. Тогда он уже переехал на Большую Черкизовскую – в дом напротив стадиона «Локомотив».

Впервые порог нашего красного здания двадцатиоднолетний выпускник педвуза Пирятинский переступил 15 августа 1977 года. Последний раз он ушел из него спустя тридцать пять лет, в июне 2012-го...

Впрочем, летом 1978 года тогда еще Юра, который только-только еще привыкал к «Юрию Брониславовичу», на полтора года вынужден был прервать столь ярко начавшийся процесс школьного служения, чтобы послужить в рядах Советской армии. Благодаря армии Пирятинский впервые оказался за границей – после «учебки», которая была под Иркутском, он попал служить в Монголию. А сразу после армии – в ноябре 1979-го – Юрий Брониславович вернулся в школу на 2-й Пугачевской, чтобы проработать в ней всю свою оставшуюся жизнь. Ему чуть было не сделали карьеру: в 1986 году Пирятинского наградили орденом Трудовой Славы 3-ей степени и даже приняли в партию. Но он не стремился к карьерному росту.

Менялась страна. Менялись дети, которых он учил. Менялись названия его должностей: учитель русского языка и литературы, классный руководитель, организатор внешкольной и внеклассной воспитательной работы, завуч, ночной сторож (и все это без отрыва от основной – учительской деятельности), куратор, педагог дополнительного образования, снова учитель русского языка.

Менялись названия учебного заведения, в котором он служил: средняя школа № 388, школа-гимназия № 388, МГПГ, МГПГ-Л, протогоимназия № 1505, потом – ГОУ, ГБОУ гимназия № 1505 (до переименования гимназии обратно в школу он не дожил). Менялся и он – от строгого мальчишки-учителя (в двадцать с небольшим, конечно, мальчишка!) до всеми уважаемого мэтра, и к чести своей, и к своей беде сумевшего сохранить все свойственные разудалому мальчишеству черты...

Его не стало почти шесть лет назад, 25 декабря 2012 года...

Юрия Брониславовича очень многие любили и теперь уже точно не разлюбят никогда. Но были и те, кто считал его слишком громким, слишком острым и слишком авторитарным. Не всем нравились его шутки и манера поведения. Что ж: Пи-

рятинский – Пиря, как часто звали его за глаза, – никогда не стремился всем нравиться. Он был самим собой и именно поэтому не сумел оставить по себе равнодушную память...

Пирятинский был человеком широкой души, центром огромного коллектива – учительского и ученического, человеком с потрясающим чувством юмора,

с удивительным чувством собственного достоинства. У каждого в памяти остались его подлинно крылатые фразы, его обаятельная улыбка, его стальной баритон, его смех до слез, его милые, удивительно смешные розыгрыши. Он умел дружить, он умел учить, он умел понимать.

Необыкновенный Человек. Удивительный Учитель. Настоящий Друг.

Создавая эту премию, мы хотели, чтобы па-

мять о Юрии Брониславовиче Пирятинском оставалась живой и созидающей. Чтобы те ценности, служению которым он посвятил свою жизнь – добра, порядочности, равнодушия, веры в человека, творчества, – продолжали оставаться с нами и дальше.

Мы очень надеемся, что это у нас всех получается...

О Премии

В этом году, как и в прошлом, награждение лауреатов Общественной премии пройдет в два этапа: в День учителя, 5 октября, школа узнает имя лауреата в номинации «Русская словесность», а в день рождения Ю. Б. Пирятинского, 22 ноября, – лауреата в номинации «Человеческое измерение».

Э то будет уже шестое в истории красного здания вручение Пирятинской премии.

Скажем честно: с каждым годом нам, учредителям премии, все труднее выбирать из представленных произведений и из номинированных ребят. Вот уже который год сразу несколько достойных работ претендуют на то, чтобы быть отмеченными. И до последнего момента непонятно, чей текст наберет больше голосов. Так что мы – 15 учредителей премии – порой засиживаемся до глубокой ночи, обсуждая, споря друг с другом по поводу достоинств и недостатков тех или иных текстов. Кроме того, на соискание премии все чаще выдвигают тексты, созданные в разных жанрах, это и стихи, это и проза. Причем весьма и

весьма хорошие стихи и вполне зрелая проза. Так что нам приходится нелегко. Но мы рады, что нам есть из чего и из кого выбрать.

Однако с каждым годом текстов, которые номинируются на премию, становится все больше и больше: в 2017-м номинантов было 14, а в этом уже 18 человек. Мы рады каждому, кто посчитал возможным принять участие в этом творческом конкурсе. Но это не спорт, и рекорды сами по себе здесь не важны. Гораздо важнее качество номинируемых работ. Видимо, теперь, когда премия обрела широкую известность, в том числе и за пределами красного здания, пришла пора подумать о том, чтобы ввести процедуру предварительного отбора текстов, выдвинутых на соискание. Обещаем, что к следующему году продумаем эту процедуру, что

отбор будет объективным и профессиональным и что помогут нам в этом высочайшие профессионалы своего дела – наши уважаемые учителя литературы, а также выпускники, связавшие свою жизнь с русской словесностью.

Каждый раз перед награждением лауреатов учредители публикуют тексты, выдвинутые на премию в номинации «Русская словесность», но не объявляют имена тех, кто выдвинут на соискание премии в номинации «Человеческое измерение». Нас часто спрашивают почему?

Обсуждая кандидатов в номинации «Человеческое измерение», мы каждый раз убеждаемся в том, что у нас в школе учатся очень много замечательных людей. Но поскольку по Уставу Общественной премии имени Пирятинского в каж-

дой номинации мы можем избрать лауреатом только одного человека, обнародование имен тех, чьи кандидатуры не набрали нужного числа голосов, мы считаем просто неэтичным. Поэтому мы договорились, что в номинации «Человеческое измерение» называем лишь имя избранного нами лауреата. При этом проигравших здесь нет и быть не может: раз школа выдвинула этих ребят, значит, это достойные люди. Именно поэтому с этой номинацией у нас, как в швейцарском банке, «полная тайна вкладов».

Это сделано сознательно, об этом мы договорились сразу, когда только начали создавать премию. Ведь «Человеческое измерение» – тема весьма деликатная. Действительно, как «измерить человека»? Мы понимали, что каждый раз это будет очень трудная задача. И каждый раз будут те, кто согласится с нашим выбором, но будут и те, кто останется недоволен.

Мы уважаем чужое мнение, но при этом имеем и свое. Премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского – общественная. Ее учредители имеют непосредственное отношение к гимназии (либо учились, либо работают в ней, либо и учились, и работают), но, голосуя, они выражают свою личную позицию. Поэтому мы, с одной стороны, отдаем себе отчет в том, что при выборе лауреата в этой номинации невозможно требовать от кого бы то ни было стопроцентного «объективизма». А с другой – берем на себя ответственность за то, что наш жизненный опыт, наше знание гимназического сообщества и традиций школы являются достаточной гарантией того, что из предложенных самой гимназией претендентов мы выберем самого достойного. В конце концов, мы отвечаем за свой выбор собственной репутацией...

Впрочем, Пирятинская премия – это живой процесс. Год назад мы не

много скорректировали регламент обсуждения кандидатур, выдвинутых в номинации «Человеческое измерение», пригласив к нему учительское сообщество. Таким образом, с прошлого года голосование по этой номинации мы проводим по формуле «15+05». Теперь 15 учредителей и 5 педагогов, работающих в старших классах (мы попросили директора – Леонида Анатольевича Наумова – ежегодно делегировать в состав нашего «жюри» таких людей), принимают окончательное решение по поводу выбора лауреата.

Еще раз напомним, кто и как может быть выдвинут на соискание Пирятинской премии. Речь идет об учащих 9–11 классов – тех, кто учится (или будет учиться) в этих классах по состоянию на 1 сентября того года, за который вручается премия. Технически процедура выдвижения очень проста. Если вы пишете стихи или прозу, просто отберите из написанного вами то, что вам самим нравится. Если вы не уверены в своем выборе, обратитесь к учителям словесности – они вам помогут. Выдвинуть текст може-

те и вы сами, и поклонники вашего творчества – ваши учителя или одноклассники. Только не забудьте проверить тексты на наличие в них орфографических и пунктуационных ошибок – все-таки номинация называется «Русская словесность». Отобранные материалы присылайте по почте либо на адрес координатора премии Владимира Николаевича Рудакова (ps-rudakov@yandex.ru), либо на адрес премии (premiya-1505@yandex.ru). Выдвижение завершается 15 сентября.

Что касается номинации «Человеческое измерение», то здесь самовыдвижение по понятным причинам невозможно. Номинировать человека на премию могут его товарищи, его учителя, сами учредители премии. Присылая на указанные адреса имя этого человека, нужно кратко пояснить, почему именно он достоин стать лауреатом премии имени Ю. Б. Пирятинского. Выдвижение завершается 1 ноября.

Напомним также, что лауреатом можно стать только один раз за все время обучения в школе. И в каждой номинации каждый год мы выбираем только одного лауреата. Лауреаты получают символы премии (серебряный знак, красный кирпич авторской работы с монограммой «ЮБ» и символический ключ от школы). Кроме того, мы оплачиваем каждому из лауреатов стоимость поездки в рамках гимназических выездов (поход, Волга, путешествие с классом в другой город и пр. – на усмотрение лауреата).

Мы желаем вам удачи и интересного чтения.

Учредители премии

ДИНАМИКА ВЫДВИЖЕНИЯ НА ПРЕМИЮ ПО ГОДАМ (чел.)

Премия	«Русская словесность»	«Человеческое измерение»
I (май 2014)	8	1
II (октябрь 2014)	7	2
III (2015)	11	3
IV (2016)	9	3
V (2017)	14	5
VI (2018)	18	..*
Итого по номинациям	67	15
Всего гимназистов		82

*Выдвижение завершится 1 ноября 2018 года.

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»:

тексты гимназистов

**Петр
Алфимов,**
11 «В»

Луч солнца

Любовь зачастую всех ошеломляет.
Она, как магнит, тянет в бездну глубокую,
И время от времени она исцеляет,
От жизни привычной любовь – вещь далёкая.

Она многогранная и справедливая,
Неизмеримая, порой и жестокая,
Приходит внезапно, без следа единого.
Её сохранить ведь задача нелёгкая...

Одни избегают её постоянно,
Других же терзают сомнения и страх,
И в разный период получены раны
От чувств столь серьёзных, поверженных в прах.

Все любят по-своему, не обессудьте, –
У каждого свой ход по течению реки,
Но любовь и привязанность наши по сути –
Луч солнца единственный посреди тьмы.

Свинцовое небо

Свинцовое небо над головой.
На фоне него – зеленые сосны,
Сырая земля, покрытая мглой,
И ветер, вновь прибывший, шепчет морозно.

Еловые шишки всюду лежат,
И брёвна дубовые ярко пылают,
Смородины ягоды с веток свисают,
По небу свинцовому птицы летают.

Две стороны

При рассуждениях о жизни постоянных,
Нет дела до того, что было позади.
Бываю, да, иногда я странным,
В то время, как сверкают звёзды, подобные цепи.

Но сколько ж лет они висят на небе...
И сколько раз туда летали мы?
Мы ждём чудес при их падении,
Надеемся, что наши путники они.

Смешались голоса птиц и детей,
Дорожка лунная за горизонт уходит,
А значит, что в течение столь чудных дней
Мысли о пороках наших не заботят.

А за километры от этого места
По разным причинам и с разными целями
Все люди в борьбе за рабочее место
Ищут справедливость годами, неделями...

Скачок вперёд

Первый понедельник учебного года –
Начало концовки большого пути.
К сомнениям разным по жизни готовы
И к альтернативам грядущих рутин.

Да, люди не роботы – идеи различные,
Даже представления о ненормальности.
Полмира охвачено манией величия,
Другие же в мыслях о суровой реальности.

Мечта есть, и мир, окружающий нас,
И есть между ними лишь тонкая грань,
И важен лишь сил нескончаемый запас.
Возьми цель в кулак, приготовься и встань.

**Вячеслав
Андреев,**
9 «А»

Путь

Мир и вправду суров.
Упал? Надо встать и бороться,
Если хочешь скинуть пару оков,
Надо согнуть там, где не гнется.

Я тоже хотел сбежать,
Ломал сотни отмычек,
Но чтобы дальше шагать,
Я разбился на тысячу частичек.

Сбежишь? Куда потом?
Скитания, долгие муки.
Обещай, пока не найдёшь свой дом,
Ни за что не опускать руки.

Через много лет ты найдёшь его,
Отбросив рюкзак, полный лести,
Осознаешь, что лучше всего,
Что ты не остался стоять на месте.

**Елизавета
Болога,**
11 «Б»

Мамочке своей стихи я напишу,
Чтобы знала мамочка, как ее люблю!
Тортики сегодня маме напеку,
Весенними цветами ее я одарю.
Суетой и шумом дом заполнен наш,
Детский смех повсюду! Всяких звуков краше!
Пятеро ребяток бегают, резвятся.
Пусть у нашей мамочки мечты осуществятся!

Мои сестренки и братишки
Всегда любили читать книжки,
Однако я не столь проста,
Ведь книги не любила я.
Всегда заставить все хотели.
Десятки книг у меня были.
Суть оказалась такова:
Общение ближе для меня.
Общаться я всегда любила,
А книги вовсе позабыла.
Но к книгам надо привыкать.
Пора все заново начать.

Не говори людям «люблю»,
Не вкладывая смысла в фразу,
Ведь чувство лжи однажды
Заставит сомневаться в каждом.
Захочет человек любить,
Но вспомнит всю печаль, обиду.
Не сможет он теперь забыть
Какие злобные все люди с виду...

Обидеть все пытаются сейчас,
Ведь имидж – это главное у нас...
Добра и счастья люди нам в лицо желают,
А в мыслях далеко нас посылают. И ценности
давно все изменились,
А многие и вовсе позабылись.
Любви почти что нет у нас,
Ведь деньги правят миром всем сейчас.
И люди так все лицемерны,
Везде предательства, обманы и измены...

Полина Бондаренко, 11 «Б»

Хвостик

Процесс делания хвоста всегда приводил меня в восторг

*** **

– Папа! – вопит из прихожей Люда. Она примеряет на себя платяице с накрахмаленными воротничками и манжетами. Мама сказала, что у неё было такое же, когда та шла в свой первый класс. Прикладывает к себе, смотрит в зеркало, до которого еле дотягивается, стоя на мысочках; кружится в танце, что-то бормочет себе под нос, хмурит брови, потом смеётся.

Лёня вылетает из ванной, сбивая всё на своём пути, параллельно подхватывая падающую утварь и расставляя на свободные места. В такой суматохе он совсем забыл, куда бежал, пока вновь не услышал настойчивое: «Папа!!!». Он стремглав понёсся в крохотную комнатку, в которой оказывались жители этой квартиры как только открывали входную дверь.

– Папуль, сделай мне хвостик! – смотря прямо папе в глаза, сказала Люда. – Все мои подружки идут в школу с хвостиками. Я тоже хочу!

– Милая, пойми... – пытаюсь подобрать слова, сказал он. – Ты и без всяких хвостиков красива. Ты – самая красивая девочка.

– Ага. Да ты просто не умеешь! – смеясь сказала девочка, надеясь взять папу на слабо. У неё это отлично вышло.

– Да кто не умеет, я, что ли? Я тебе сейчас сделаю самый красивый хвостик в мире! – с воодушевлением сказал папа, глядя на дочь. – Но сначала...

Лёня взял Люду на руки и начал крутить под потолком. Она представляла себя самолётом. Сильным, способным справиться со всеми неудачами. Она верила в себя как никто другой. Первый класс – начало нового жизненного этапа. Чуть ли не самого важного в жизни. Папа опустил её на комод и начал собирать волосы. Одна прядка, другая, третья. Вот незадача. Выбиваются какие-то петухи, выходит неровно. Так, ещё раз. Главное – не расстроить дочурку. Раз прядка, два прядка, три... Отлично! Осталось лишь затянуть резинкой, и дело сделано.

– Так... Чёрт.

Он никогда не ругался при дочке. Люда смотрела на себя в зеркало, потом переводила взгляд на папу, потом снова на себя, снова на папу, снова на себя, снова на... Папы больше не было в отражении. Она оглянулась.

Леонид сполз вниз по стенке комода на пол и сидел, уткнув голову в колени. Он тяжело и прерывисто дышал.

С тех пор как Люда прошла курс химиотерапии, она смеялась лишь однажды. Сегодня. Папа купил ей новый парик. Сейчас он лежал рядом с ним. Снова велик. Не сидит на маленькой голове шестилетней девочки.

Люда соскочила с комода и села рядом.

– Папа, я ведь самая красивая девочка. Ты сам так сказал. Почему ты грустишь?

Леонид поднял глаза и улыбнулся.

– Всё в порядке, ненаглядная моя. Давай попробуем еще разок?

Верочка

Две керамические кружки, две тарелки, графин с ягодным морсом в центре стола. Котелок с тушёными овощами и мясом. Две пары рук, два усталых взгляда, два самых близких человека.

Руки скрещены на груди, взгляд опущен, одна нога закинута на другую. Тяжёлый вздох.

– Тебе ведь некуда надеть её. Ты в хлев зайдёшь – и всё, конец этому драгоценному меху. Я же не знала, что здесь всё такое же захолустье. И как ты здесь вообще живёшь?

Плечи приподнимаются на пару секунд. Рука направляет выбившийся из пучка локон. Взгляд тускнеет.

Огненный кусочек шерсти снуёт между ножек стола.

– Да как-то потихоньку. Скучно без тебя. Ты такая редкая гостья стала. Я уже и не надеялась увидеть тебя. Думала, помру и не вспомнит меня никто...

Котёнок задевает хвостом стоящую у стула сумку очередного уникального дизайнера.

Из рук падают столовые приборы.

– Ах, господи, неужели твоя кошка снова тут шагает?

– Наша кошка.

– Нет, у меня – породистая, дорогая, а не этот твой вшивый огрызок.

Сердце кольнуло. Руки легли на острые колени, лодыжки скрестились под столом.

– Ты что-то приуныла. Что-то случилось?

Губы сжаты. Руки поднимаются к лицу, снимают с переносицы массивные очки, опускают их на стол. Взгляд скачет из одного угла комнаты в другой, иногда останавливается на бликах в кружке. Время словно остановилось.

– Я потеряла свою любимую дочь.

– Что?

Брови лезут на лоб, словно пытаются слиться с чёлкой. Ресницы неперестанно хлопают, пытаюсь отогнать услышанное.

– У меня была сестра? Почему ты молчала всё это время?

Ладони теребят угол далеко не новой кружевной скатерти.

Во взгляде загорается огонёк недовольства.

– Тебя я потеряла, тебя. У тебя своя жизнь, полная приключений, популярности. Ты живёшь грядущим.

Нет никого и ничего, что способно тебя остановить. Ты уже не различаешь дороги, по которой несёшься, ведь твоя скорость растёт с каждой секундой.

Искра злости потухла в пелене слёз.

– А ты остановись. Вместе с ушедшими из твоей жизни людьми ты оставила в прошлом и всё, что тебе так дорого: своих близких, детство, меня. Вспомни, малышка, как мы с тобой бегали у Волги. Помнишь? Как ты летала птицей на тарзанке, как ты просыпалась от запаха свежих сырников и бежала на кухню, как резво ты носилась с соседскими мальчишками наперегонки. Помнишь Юру? Он и сейчас здесь живёт. Спрашивает, как твои дела. Надеется, что ты тоже думаешь о нём. Только я знаю, что ты не вспоминаешь никого, кто остался в твоём детстве.

Локти упираются в стол, подбородок покоится на сложенных ладонях. По щекам стекают кристально чистые слёзы.

– Однажды утром я проснулась и не услышала твоего сопения. Я так испугалась, солнышко, ты бы знала. Я побежала к Марфе Петровне, Алевтине Константиновне, Надежде Григорьевне. Они сказали, что видели, как ты бежала в сторону реки. Я побежала туда через заросли крапивы, шиповника и репейника. Я увидела тебя, сидящую на мостике с палочкой с привязанной к ней леской. Ты заметила меня, приложила пальчик к губам и улыбнулась. Я села рядом, обняла тебя. Я так боялась, что потеряла тебя навсегда.

Голова упала на ладони, раздался первый всхлип. Она плакала. Юная Вера вновь оказалась дома. Она протянула руки к ней. Мама положила её ладони в свои, начала гладить.

– Мамочка...

– Да, солнышко?

Голос дрожал.

– Я люблю тебя.

Взгляд остановился на ней. На родной девочке.

Она снова была маленькой Верочкой. Той самой трогательной девчушкой, что всегда ходила с васильком за ушком. Именно она первая оповещала всех жителей о том, что в деревню приехал молочник. Ей была рада каждая соседская скотинка, ей пели песни петухи, бабочки цекотали её по утрам. Вот она вновь сидит перед мамой, к сожалению, без своей самодельной удочки. Она бы многое отдала, чтобы взять матушку за руку и убежать с ней к речке, половить сомов. К сожалению, там уже не водится живность. Им бы не удалось ничего подцепить: ни сомика, ни крохотного леща, ни плотву, ни ушедшие годы. И тем не менее им было хорошо, что-то грело их души. Вера в лучшее.

Две полупустые керамические кружки, две тарелки с кусочками овощей, опустошённый графин в центре стола, котелок с тушёным мясом. Две пары рук, два счастливых взгляда, одни тёплые объятия.

Варюша

Солнце озарило поле, коснувшись лучами каждого колоска, не пропустив ни одного зёрнышка, удостоив своим вниманием всякую букашку. Луна лениво уплыла с небосклона, нехотя забирая росинки с собой. Кузнечики, божьи коровки, стрекозы, даже грузные жуки-носороги – все проснулись, прочистили крылышки и были готовы к новому дню. Они передвигались медленно, не торопясь; они словно прожили вечность и знали, что проживут столько же. Ничто не нарушало тишины. Даже она.

Варвара не могла разбудить мир раньше солнца. Она, может быть, хотела бы крикнуть посреди ночи своим звонким голосом что-нибудь важное, но она не кричала.

Не потому, что ей было нечего сказать. Напротив, её историй из жизни хватило бы на пару увесистых томиков автобиографии. Она не была жадной и не хранила всё в себе из принципа. Всё своё детство она говорила без умолку. В тот момент, когда детство кончилось, она замолчала.

Она любила ходить в театры, посещать закрытые перформансы, не пропускала ни одной комедии. Смех. То, почему можно было понять, что юная Варя ещё жива. Она обладала удивительным даром переживания чувств вместе с героями. Порой она даже двигала губами вместе с актёрами. Она знала все сюжеты, пьесы, сценарии наизусть, но её глаза блестели всякий раз, когда герой, потерявшийся в начале, появлялся к концу истории.

После просмотра картины она неторопливо шла к широкой улице, где то и дело проносились различные виды транспорта. Вчера она села в машину к философу, сегодня

– к актрисе, завтра – к лауреату Нобелевской премии, а послезавтра... У неё не было автомобиля, поэтому она никогда не знала, кто в этот раз станет её попутчиком на ближайшие два часа. Она была уверена лишь в том, что каждый из них ведёт двойную жизнь; днём они – то, что написано у них под именем на бейджке, а вечером жёлтая машина в чёрную шахматную клетку становится местом, где они могут быть теми, кем всегда мечтали быть. Варвара не хотела, чтобы её молчание задевало водителя, поэтому она надевала наушники. Таким образом она давала понять, что не хочет говорить с человеком за рулём, но при этом и не нарушает его личного пространства. А она хотела бы поговорить.

Сегодняшняя героиня репетировала главную роль в картине, которую не увидит ни один зритель, потому что эта пьеса не будет поставлена, фильм не будет снят, мультфильм не будет нарисован. Она жестикулировала естественнее и экспрессивнее лучших

голливудских актёров, плакала искреннее их всех вместе взятых, смеялась звонче сотни колокольчиков, её вздохи разносились, словно эхо, приглушённой болью в груди. Варя так любила, когда люди не стеснялись её, старалась уловить каждую нотку настроения человека, сидевшего слева от неё, уголки губ невольно ползли вверх. Она не смеялась над актрисой, она наслаждалась её общением. Именно поэтому в её наушниках всегда было тихо.

Легонько хлопнув дверью машины, Варя искренне улыбалась своему спутнику, кивала головой и шла через поле к своему родному дому. Там её ждали уют, камин, плед, горячий чай с мятой и мёдом, любимая книга. Никого. Он приходил к ней только во снах, но она была рада и этому. Они разговаривали, вспоминали то, что было десятки лет назад, обнимались, он щекотал её щёки щетиной, потом гладил ладонью и целовал в кончик носа. Он разыгрывал перед ней спектакли, когда ей было грустно. Иногда он был лауреатом Нобелевской премии по физике, изредка актером, ну и, конечно, вечерами он играл роль древнегреческого философа. Они ходили по тропинке в поле. По их тропинке, рассчитанной именно на них. Между ним и Варей всегда была какая-то непонятная никому, кроме них, связь, благодаря которой они просыпались одновременно в любой точке мира, синхронно зевали и вставали с кровати с одной и той же ноги. Они были единым целым. Пока он не исчез.

Помнит как сейчас. Проснулась. За окном было темно, звёзды мерцали, словно подмигивали Варе. Ромашки на поле плавно покачивались, незабудки перешёптывались друг с другом, сверчки сплетничали, собравшись вокруг светлячков, пели какие-то свои песни, мотыльки практиковались в полётах на Луну. Девочка захотела разделить этот чудный момент с ним. Прибежала, начала тормошить. «Пойдём скорее, ты пропускаешь такое зрелище!». Он не реагировал. Она сжимала в руках одеяло.

Варвара не помнит, когда ей в последний раз снились истории с хорошим, счастливым концом. Ни одного сна, в котором водитель такси оказывался не просто философом, а тем самым, который поднимал ей настроение в худшие времена.

Она подошла к зеркалу, умылась, избавляясь от холодного пота, навела порядок на голове, завязала ленточку на руке и пошла на крыльцо. Там стояли два кресла-качалки. Несмотря на то, что одно всегда пустовало, так ей было спокойнее и привычнее. На улице совсем не было ветра, даже лёгкого бриза. Она любила утренний ветерок, потому что в нём ей удавалось уловить нотки запаха моря. Тишина и покой. Как всегда... Из оцепенения её вывел монотонный скрип. Она развернулась и пошла к входной двери. Кресло, которое всегда пустовало, монотонно покачивалось, над ним поднимались кольца дыма, а между прутьев виднелись седые волосы и полосатая футболка. Он знал, что она его заметила. Глухой смех. Две одновременно скатывающихся слезы.

– Папа...

– Варюша...

Елизавета Булаева, 11 «Б»

КОГДА ПОМОЙКА СТАНОВИТСЯ ВАЖНЕЕ БАЙКОНУРА?

В третьем классе у нас брали интервью на тему, кем мы хотим стать в будущем и какая у нас мечта. Я почему-то ужасно хотела стать дворником. Мне казалось удивительно романтичным и даже капельку поэтичным (хотя в третьем классе я вряд ли знала такие слова) грести в кучку разноцветный и разногабаритный мусор. У меня была бы большая метла с ворсинами из старых веток и жестяной глубокий совок, который покорно и даже мелодично издавал бы «ски-и-ить» при движении. Я бы в своем меланхоличном и сонном настроении скребла по асфальту, рассматривала бычки и запоминала марки сигарет, рассматривала в голове по оттенкам упавшие листики, наблюдала за течением микрожизни насекомых и думала о чём-то своем весь день. Ну разве не красота?

Я рассказывала всё это своей маме, и уголки её губ чуточку поднимались, а уголки глаз чуточку опускались (с чего бы это?). Ей приходилось тянуть меня за руку, когда мы проходили с ней мимо Толика – нашего (вдох!) дворника. Как вы поняли, маме не особо понравилась идея мести улицы, и, вероятно, она не понимала моей трепетной любви к уборке мусора. Несомненно, она поддерживала меня во всех моих мыслях, но все же говорила, что мне пошло бы стать кем-то более великим, хотя бы актрисой там или космонавтом. Мама говорила, что я, если буду, конечно, правильно использовать свой потенциал (что такое «патэнцал» я в третьем классе не знала), могу и звезду с неба достать и до Луны без усилий долететь.

Так вот во время этого самого интервью мой одноклассник Алёша (который сначала долго мычал и выковыривал поролон из стула) сказал, что мечтал бы стать космонавтом, как Гагарин. С чего он ляпнул это, я не поняла, ведь знала, что бабушка Алёши постоянно говорила о том, что если он не перестанет бездельничать и так «безалаберно» себя вести (конечно же, Лёша, как и я, этого слова не знал), то потом всю жизнь будет дворником работать. Страсть какая подумала я! Ну что за несправедливость? Почему Алёше можно, а мне – нет?

И тогда я решила, что можно (и даже нужно) заключить с моим непутёвым одноклассником сделку.

«Лёша, – говорю я ему, – давай так. Я тебе отдам свою мечту, а ты мне – свою. Ну, вот эту, с космонавтом. Тогда и родители наши будут довольны, и мы. Давай?»

Алёша, как обычно, сначала помычал, потом между бровями его проступили складки, и через несколько секунд сказал: «Давай».

На следующий день я тащила в школу тяжелее обычного. Моя мечта еле впихнулась в портфель и была так тяжела, что казалось, по пути сломаюсь либо я, либо мой ранец. На перемене мы с Алёшей стояли под лестницей. В ладошках у него был спичечный коробок, обмотанный синей изолентой. У меня – огромный шар, обернутый несколькими слоями газеты, ткани и скотча. Удивившись такой разнице, мы начали доставать каждый свою мечту.

Мечта Алёши была похожа на... пожеванный кружок душистого горошка. Небольшой такой, слегка сморщенный темный кружок. Я начала жалеть о сделке. Но все же стала отколупывать мощный скальп моего шара. Дойдя наконец до самого ядрышка – мечты, я дала взглянуть на него Алёше. На момент глаза его стали будто бы яснее обычного, а рот неуклюже открылся. На пораженное лицо его стали попадать зигзагообразные цветные блики и почти прозрачные солнечные зайчики – такая яркая и светлая она была, моя мечта. Я даже загордилась. Алёша улыбнулся (показались его зубы в тюрьме из пластинок), старательно замуровал шар обратно и до-

Даниил Гвоздев, 10 «А»

Послание недовольным

Обыкновенная страна. Есть бедные, есть богатые. Есть власть, есть народ. Есть лояльные власти люди, есть те, кто настроен враждебно. Такая система не может существовать в таком состоянии слишком долго, изменения обязаны были произойти.

Человек каждый день засыпал и просыпался с определенными мыслями в голове. Так продолжаться дальше не может. Это безобразия. Что они себе позволяют.

вольный унёс его. Я же осталась в руках с непонятной помятой коробочкой, но зато эта коробочка была моей новой мечтой и точно должна была понравиться маме.

Несколько дней я её хранила бережно, как если бы в ней жила какая-нибудь божья коровка. Боясь увидеть содержимое и разочаровать саму себя, я рассказывала маме о том, что теперь-то наши мысли о моем будущем совпадают, и в голове у меня нет больше глупостей (в третьем классе я была очень серьезной). Но все же представляя иногда, как некрасив скукоженный шарик мечты-космонавта, мне становилось горько.

Спустя неделю после неудачной сделки я проходила мимо уличной урны, уже обо всем позабыв. И случайно заметила знакомый кусочек старой газеты и такой же знакомый лоскуток ткани в мелкий цветочек. Приглядевшись, я с ужасом поняла: это же моя мечта! Ой, то есть теперь мечта Алёши...

Плонув на дурака Лёшу, я бросилась спасать мой (уже точно!) ненаглядный шар. Он был почти разбит. Трещина, похожая на кривые ступеньки, делила его на две части. Блеск угас, блики уже были не так яркие, невесомость и румянец ушли; оставалась лишь ненужная никому, кроме меня, ушляшка. Мои слёзы отражались в моей мечте. Дома я ювелирно всё склеила и оттерла пыль и грязь. Шар заблестел вновь. Он был так прекрасен, так воздушен и так дорог мне, что сияние его становилось все сильнее с каждой секундой.

Маме вечером я сказала, что не полечу в космос. И что звезды с неба я буду сметать в кучу своей метлой.

Может показаться, будто он говорит о всевозможных бытовых проблемах или возмущается порядками на своей работе. Но нет, Человек осмелился посягнуть на власть. Он и не вспомнит сейчас, как в разум проникли кощунственные лозунги, но изначальное небольшое сомнение во власти превратилось в искреннюю неприязнь ко всему, что с ней связано. Ни одна мельчайшая деталь, с помощью которой можно было хоть как-то обвинить правящую верхушку, не ускользала от праведного взгляда, все оппозиционные блоги стали его любимым пристанищем, а недовольство властью возрастало пропорционально количеству прочитанных слов на оных блогах. Так и продолжалось бы дальше, спокойное и мирное существование, в реалиях которого Человек не предпринимал никаких серьезных действий. Он и не мог ничего сделать, ведь оппозиция находилась в глубочайшем кризисе, и вывести людей на улицы не представлялось возможным.

Однажды, вновь просматривая один из блогов, Человек наткнулся на новое лицо. Что-то подсказало ему подробнее в нем разобраться. Оказалось, что «новичок» уже несколько лет выпускает материалы по разоблачению различных министров, рассказывает о коррупции и особо ярко выступает с призывами к серьезным действиям. У него была небольшая аудитория, но после выпуска расследования по особо актуальной теме все больше людей стали интересоваться этим творчеством. Многие увидели в нем нового лидера, готового объединить оппозицию и повести за собой, готового к решительным действиям, того, кто нужен был всем недовольным как воздух. Он был поистине рожден для этого. Харизма, которой позавидовал бы любой политик, тактическое и стратегическое мышление, как у великих полководцев, а главный, пусть и типичный

для большинства недовольных признак – бешеная неприязнь к власти и готовность придраться к любой мелочи, способной помочь очернить репутацию политической верхушки. С появлением идейного лидера жизнь Человека заиграла новыми красками. Каждый день все свободное время он проводил в интернете, жадно всасывая любую информацию, которую выдавал новый кумир. Любой здравомыслящий человек понял бы, насколько большинство претензий к власти мелочны, аргументы навязаны и комментарии однобоки, но это была пропаганда, а люди, для которых она готовилась, могли поверить в любой бред, их разум был заполнен недовольством и сладкими речами главного агитатора.

В таком состоянии страна жила уже несколько месяцев. За это время оппозиция окрепла и начала доминировать власть регулярными выступлениями. Со временем митинги становились все агрессивнее, в них все ярче виднелся призыв к революции, блуждающий в поисках крови, и с каждым оппозиционным мероприятием он приближался ближе и ближе. Все больше людей становилось фанатиками. Успех нового лидера можно сравнить с успехами Геббельса, настолько убедительно и удачно получилось овладеть толпой. Неудивительно, что на первый же призыв к действию серьезно действующим народ отреагировал положительно, и уже на следующий день на главной площади столицы стоял палаточный мини-городок. Революция началась.

Теперь каждый свой день Человек начинал не у себя дома, просыпаясь на мягкой кровати, а на одной из главных площадей города. Палаточный

лагерь, который возвели протестующие, приобретал все более пугающие масштабы. Огромное количество однотонных палаток, создающих ощущение нахождения в лабиринте, куча спящих туда-сюда людей, похожих своим поведением на муравьев, громкие лозунги, исходящие со всех сторон. Другими словами, на площади царило безумие. Картину полнейшего хаоса дополняли сотрудники силовых ведомств, державшие лагерь в частичной блокаде, постоянно призывающие людей покинуть площадь добровольно и вылавливающие зазевавшихся протестующих. Несмотря на это, к центру города стекалось все больше людей. Население испытывало странное сострадание к тем, кто выступает против, казалось бы, любимой власти. Лидеры оппозиции часто выступали перед митингующими и сообщали новости с уже начавшихся переговоров с властью. Но переговоры были бессмысленны, оппозиция соглашалась только на полную отставку нынешней власти, а власть этой отставки не хотела. Все понимали, что диалог зашел в тупик, а там, где слова бессильны, может помочь только насилие.

Уже неделю митингующие находились в палаточном лагере. Он возрос до небывалых масштабов. Приходили новости из городов со всей страны. Солидарных людей было предостаточно, к тому же правительство все еще не решалось применить силу. Это играло на руку оппозиции, за время промедления на площадь могло прийти больше людей. К вечеру в воздухе над лагерем чувствовалось небывалое напряжение. Даже недалекий человек мог понять, затишье длилось слишком долго.

Никто не знает, как все началось. Провокация или запланированная операция. Это было не важно. Насилие воцарилось на подступах к главной площади. За время недельного перерыва митингующие успели соорудить несколько рядов баррикад из подручных материалов. В ход шло все. Полиция с огромным усердием начала операцию по разгону протестующих. Казалось, что к площади стянулись все правоохранители города. Тактика, продуманная властями, была проста. Под прикрытием полиции, которая предварительно разогнала агрессивных протестующих, специальные бригады рабочих должны были разбирать баррикады. На бумаге все было отлично, но на деле каждый элемент баррикады доставался правительственным силам с огромным трудом. К концу первого дня не была разобрана даже первая линия. В ходе многочисленных стычек пострадало много людей, а те, кто видел их боль, с удвоенной яростью сражались за место на площади. Полиция своими действиями развязала руки оппозиции. Теперь жестокость поощрялась. Многие националистические группировки, которые заранее обустроились в палаточном лагере, начали проявлять себя во всей красе. Представители именно таких группировок брали командование над митингующими на местах, и только это могло объяснить огромное количество покалеченных и раненых людей. Спустя день операции власть поняла, что разобраться с недовольными будет не так просто, как казалось на первый взгляд. Насилие, примененное ко многим протестующим, гулким эхом отзывалось во всех солидарных людях, и это эхо возбуждало бешеную ненависть ко всем, кто был причастен и виновен в преступлениях, совершенных на площади. Пути назад уже не было. Спустя несколько дней боев случилось ужасное, началась стрельба. Навсегда останется тайной, кто и по чьему приказу стрелял, но важным был не сам факт стрельбы. Важно было, кто стал первой жертвой революции. Это был молодой парень, который вдохновился словами лидеров оппозиции и вышел на улицу. Он мог бы стать любящим мужем, отличным отцом и прекрасным работником, но его жизнь оборвалась из-за чужих амбиций и желаний. Но и это было не важно. Важно было то, что каждая из сторон выставляла убийство виной своего противника, и этот факт позволял применять против врага любое оружие. Это помогло митингующим прорвать блокаду и вырваться к большинству правительственных зданий, пусть и ценой огромных потерь. Количество убитых исчислялось сотнями. После захвата большинства административных зданий революционеры захватили большую часть СМИ. У власти уже не было шансов, все большее количество солдат и полицейских бросало оружие и переходило на сторону революционеров. Понимая свое бедственное положение, глава страны сбежал, а власть перешла к лидерам бывшей оппозиции. Революция завершилась.

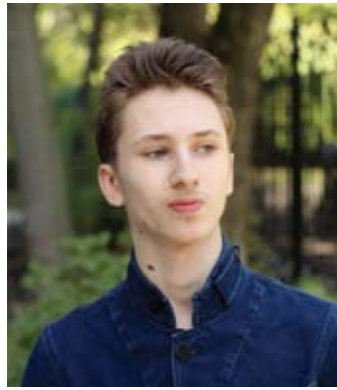

Изначально находясь в меньшинстве, развитие движение до огромных масштабов, опираясь только на свой достоинство. Неудивительно, что главный лидер оппозиции стал героем и новым главой страны. В то же время радости населения не было предела. Никто не замечал, что жить стало еще хуже. Послепобедная эйфория заглушала голоса разума. Всеобщая безработица, инфляция, бедное и голодное существование, ничто не могло омрачить торжество «свободы» и «демократии». Новая старая власть могла выкачивать ресурсы из страны, а народ, который считал себя победителем, на самом деле, оказался жестоко обманутым.

Прошли годы, большая часть населения все еще помнила недавнюю кровавую революцию и продолжала прославлять нынешнюю власть. А у Человека родился ребенок, появились внуки. Сидя в кресле перед телевизором, он смотрел новости. В них показывали торжества по поводу годовщины революции. Это возбудило в его старческой памяти приятную ностальгию, и Человек чувствовал себя частью чего-то великого, чего-то, что очень серьезно повлияло на мир. Вскоре домой вернулся один из внуков. Это вызвало непонимание со стороны дедушки. Как можно прийти домой в такой ранний час, когда нужно быть вместе со всеми на торжествах и отмечать годовщину революции? Перед тем как отчитать внука, Человек решил узнать, в чем же причина такого поведения. Оказалось, что большая часть молодежи города объявила бойкот сегодняшним торжествам. И так по всей стране. Идея исходила от таинственного лидера, который научился управлять толпой молодых людей. Лозунгами являлись красноречивые слова о закончившемся терпении и о невозможности более жить в такой стране. После этих слов Человек побледнел, его охватила странная дрожь. Лозунги были знакомыми. Очень знакомыми. В голове промелькнула молодость, недовольство всем, что связано с властью и огромное желание что-то менять. Забавно, что Человек стал анализировать себя только под конец своей жизни.

С ужасной горечью для себя он понял, что ничего не изменилось к лучшему. Если отбросить все идейное вдохновение, которое прививалось ему все эти годы, было ясно, что жизнь до и после революции ничем не отличается. Теперь в его голову начало проникать все больше терзающих душу мыслей. Может быть, стоило менять себя, а не сразу страну? Может быть, стоило менять близких себе людей? Может быть, стоило влиять на всех своих знакомых? Может, тогда все изменилось бы к лучшему. Но Человек понимал,

что на эти вопросы он уже никогда не получит ответа. И эта мысль опустошала его, в минуту все его дела, вся его жизнь стали бессмысленными. С такими мыслями в голове седой старик так и остался сидеть перед телевизором, по которому все еще говорили о торжествах, но это больше его не волновало. Его больше ничего не волновало, а небольшая слеза, стекающая по морщинистой щеке, продолжала неумолимо спускаться вниз.

**Павел
Грицай,**
9 «А»

ЧЕРТЫ ЗНАКОМОЙ РЕАЛЬНОСТИ

(Избранные стихотворения. 2015–2017 гг.)

МУЗЫКА

*Хрустальный звук, оттаявший недавно,
Распелся, раскричался и притих;
Умолк неторопливо, важно, плавно
Торжественный, величественный стих.*

*Из длинной, как забор, клавиатуры
Звук вытянулся, он – тугая плетть,
И замер, став подобием скульптуры,
Чтобы затем ожить и отмереть.*

*Дрожащая рука звук приручила,
Метнула в плен гнетущей тишины
И музыку обратно получила
От звонкой, прослезившейся струны.*

ВРЕМЯ*

*Духи вчера опустевших столиц
Спят в циферблатах часов.
Стрелки упали на чаши весов
Перьями огненных птиц.*

*В спутанном коконе кратких минут
Время неслышно ползет.
Час – это метко ударивший кнут,
День – краткосрочный полет.*

*Стрелки, как иглы, направлены в цель;
Век лег горящим пером.
Время сорвется и сядет на мель;
Завтра, сегодня, потом*

*Станут едины, а выпавший рок
Будет предсказан опять.
Мы пьем недели, как яблочный сок,
И не хотим все менять.*

*Написано под впечатлением от творчества
Осипа Мандельштама.

ОБРЯДЫ НОЧИ

*Устье ночи. Сердце тайны.
Ставни мрака. Шепот вещей.
Мысль внезапна и случайна,
В ней преобразилась вечность.*

*Звезды тают на пороге,
Растворяясь в легком дыме;
Остаются на дороге,
Узнавая мое имя.*

*Я бросаю их обратно,
В даль загадок и прохлады.
Затаюсь в тумане ватном,
Ночь вершит свои обряды.*

*И в распахнутые ставни
Я гляжу на куст рябины,
Думая о самом главном.
Месяц из засохшей глины*

*Слабо задевает крышу,
Отправляясь в свое ложе.
Крики птиц ночных я слышу,
Холод схватывает кожу.*

СУДЬБЫ*

*Пыльные улицы шумно гнездятся
В ветках своих городов.
Нежно растаять нам или остаться
Хлопьями выпавших слов?*

*Рано погашены яркие свечи,
Слышится гаснущий звон.
Будни, друзья, бесконечные встречи –
Спутанный жизнями сон.*

*Тиной повеет от дальнего пруда;
Завтра никто не умрет.
Судьбы крадутся к нам из ниоткуда;
Прошлое что-то спугнет.*

*То, что предсказано, вновь будет встре-
чено,
Спрятано, словно вчера,
А исцеленное – вновь покалечено.
Новое, как конура,
Тянет к себе нас и водит на привязи;
Все уже предрешено.
Утром сегодня на улицу вынеси
Ящик со спелым пшеном.*

*Это зерно до конца склюют улицы
В ветках своих городов;
Завтра покажется – и сразу сбудется.
Хлопья белеющих слов*

*Падают судьбами между мостами
И остывают на них.
Цепи для нас обернутся цветами;
Жизнь – незаписанный стих.*

*Навеяно поэзией Беллы Ахмадулиной.

ЗВУКИ ОРГАНА*

*Орган огромный вскрикнул – и забылся;
Звук завертел, как мощный ураган,
Заговорил, запел и заструился,
Поймал нас в свой разросшийся капкан.*

*Торжественно, печально, величаво
Наполнил звук собой концертный зал.
Орган вернул нам тайное начало;
Он нервно пел, скорбел и завывал.*

*Мы увлеклись давно сбежавшим веком,
Прожили час среди органных труб.
Орган помог несчастным и калекам;
Он исцелил оркестром звонких губ.*

*Написано после одного из органных концер-
тов в Праге.

Варвара Пивнюк,

11 «А»

ЕВГЕНИЙ Б.

Он умер случайно, но умер героем,
Заложник идеи, оставшейся жить.
Любовью плененный,
Безбожный учёный
Движение новое смог породить.

Не надо бросаться эпохе вдогонку,
Когда ты новатор и пылкий боец.
Ведь каждый является чьим-то ребёнком,
Но вовсе не каждый есть чей-то отец.

ТОЙ ЗИМОЙ

Той зимой было сложно дышать грудью:
В уме приходилось считать воздух,
Менять тяжесть дней, кандалы, прутья
На жалкую малость тебя – «дозу».

Скрываться в пучине зеркал, масок.
Ночами вскрывать в темноте ребра.
Таких же, как я, – большинство, масса,
Отдавших тепло за немой холод.

В душе уязвлённой стонал ветер,
До дыр затирала нутро вьюга.
Зимой стало ясно,
Что мы вместе, как я бы желал,
ни
ко
гда
не будем.

ЛИХОРАДКА

Лежу в тиши, со лба ручьём
Стекает пот.
Смиренно жду. Мой врач седой
Вот-вот придёт.

Он входит в комнату, кровать
Моя пуста.
Висит картина на стене,
На ней – река,

За речкой – поле. А за ним
Огромный дом,
И в нем читает бабка детям
Сказ о том,

Как черноглазая цыганка
Без зубов
Ей рассказала между делом,
Между слов

О незнакомце в грязной шляпе
И в пальто,
В котором этот незнакомец
Прячет сон.

Скрипит окно, трещит доска,
Звенит звонок,
Разбит стакан, гремит гроза,
Звучит хлопок.

Лежу, со лба ручьём стекает
Жаркий пот.
Беззвучной поступью по крыше
Бог идёт.

АЛКОГОЛЬНЫЙ ВЕРЛИБР

от первой рассудок мутнеет
и сердце трепещет.
после второй непременно захочется
третью.

после третьей идешь в туалет,
гордо выпрямив плечи.
на четвертой справляешься с мыслью,
что пятая будет лишней.

на пятой же кажется,
нравишься женщине,
той, что сидит к тебе ближе.
куришь,

скулишь
о проблемах, о сессии,
прошлой большой,
безответной любви.

на шестой подавляешь
немую агрессию:
деньги спустил
и теперь на мели.

прикончив шестую,
ты ищешь того,
кто не против седьмую
хлестать из горла.

девятую сам
поглотил целиком.
перед ней вроде как
и восьмая была.

любители выпить,
не паникуйте!
мы с вами успеем
напиться!

утро настало,
мы к первой вернулись,
чтобы
опять
похмелиться.

Я люблю ту чудесную пору,
Когда небо разлито в меду,
А березы, склонившись к забору,
Созерцают свою наготу.

Унесённые вниз листопадом,
Опустившись до самой земли,
В глубине опустевшего сада
Умываются листья в пыли.

Я накрылся бы этой листвою
И в тиши бы остался один,
Восторгаясь земной красотой
Под осенним пожаром рябин.

я старый,
лохматый,
но преданный пес,
виляющий маленьким хвостиком.
тебе что-то нужно?
– я сразу принес
остатки обглоданной кости.

давно я уже весь покрыт сединой,
клыки притупились
и впиться сложнее
в того,
кто посмеет
бежать за тобой
в пятничном хмеле вечернем.

как вижу тебя –
сразу с места срываюсь,
прыгаю,
руки лижу
и лицо.
просто пойми, что ты – вся моя радость
на этой планете,
круглой,
как
колесо.

собачье счастье
– как мало нужно! достаточно,
чтобы ты рядом была.
и всю жизнь я несущ тебе
верную службу –
так было,
так есть
и так будет всегда!

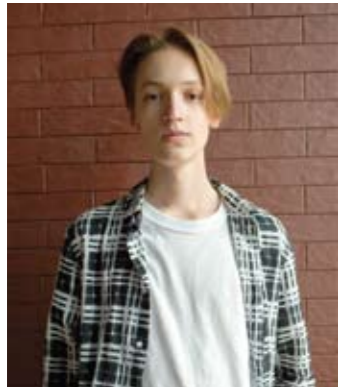
я, может, и старый,
но преданный пес.
подкравшись сзади,
чуть напугав,
смотри –
это я свое сердце принес!

ГАВ!!

Безоблачным днём согретый,
Зевает, оскалив зубки,
Мой сгусток любви и света
В лохматой пушистой шубке.

Посмотришь – ну просто зайка,
Хоть когти – толстые спицы.
Он любит свою хозяйку:
Урчит ей, если не спится.

Он просит чесать животик,
Теплом своим греет в стужу,
И этот же ласковый котик
Приносит мне крыс на ужин.

Матвей Писаренко, 11 «Б»

*** **

Там

Пустой, просторный зал, пронизанный солнечным светом. Бетонные плиты примитивных форм, сложенные друг на друга, создают это странное помещение и отбрасывают тени по всему залу. Монолитность и благородная простота плит и та причудливая игра света, в которую они вовлечены, создают впечатление, что помещение живет своей жизнью и в зале витает какая-то тайна, которую не может постичь наблюдатель. В центре зала неподвижно стоит Он, напротив него – кто-то, чье лицо и фигуру Он не в состоянии разглядеть. Они молча стоят друг напротив друга. Между ними лежит продолговатый камень голубого цвета с продольными белыми вкраплениями, по форме своей напоминающий силуэт рыбы. Он не знает, кто этот человек, но и не думает об этом. Никто не говорит ни слова, но Он чувствует необъяснимую связь с незнакомцем. Он чувствует все,

что чувствует и когда-либо чувствовал этот человек. Он пропускает через себя весь его опыт, все его переживания и чувства, при этом открывая ему свои. Никто не говорит ни слова, не издает ни единого звука. Оба стоят неподвижно. Но они понимают друг друга так, словно прожили всю жизнь в тесной связи, словно наблюдали друг за другом с самого рождения.

Здесь

Проснувшись от звона будильника, Он, тут же забыв про сон, в спешке собирается на работу. За завтраком бегло просматривает повестку дня на своем мобильном: «Общественных активистов незаконно задержали в ходе массовой акции» – случайно замечает Он, но не придает значения. Не потому, что ему все равно, а потому, что подобные новости появляются настолько часто, что волей-неволей перестаешь реагировать на такое, чтобы не сойти с ума.

Вот Он едет в лифте с приятелем-соседом по лестничной клетке, который в шуточной манере рассказывает ему какую-то короткую историю про то, как ему сегодня предстоит убираться по дому в одиночку в отсутствие жены. Оба посмеялись и, так по-настоящему и не поняв друг друга, разошлись. Ему и в голову не приходило, что сосед на самом деле просил Его о помощи и предлагал составить ему компанию.

А теперь Он стоит в очереди в магазине и прикидывает, какую сумму лучше дать кассиру, чтобы тому не пришлось искать сдачу. Вот Он протягивает кассиру деньги, а тот не может понять, зачем ему дают так много. Раздраженный кассир говорит Ему, вот, значит, вы мне лишнее дали, заберите. И начинает долго и мучительно отсчитывать сдачу монетами. Они друг друга не поняли, но не придали значения – ладно, всякое бывает.

По пути домой Он вдруг вспоминает о родителях, которых не навещал больше месяца. Его посетило необъяснимое желание поговорить с ними. Родители в его жизни были самыми близкими людьми. У них хорошие отношения, и они всегда поддерживают друг друга и разделяют общее мнение по многим вопросам. Возбужденный мыслью о встрече с ними, Он свернул со своего обыкновенного маршрута и поехал к ним.

Вот уже они сидят за кухонным столом и обсуждают насущные темы, как и прежде. Разговор совершенно случайно, как это часто бывает на семейных застольях, заходит о политике. Прежде политика всегда была одной из тех тем, которые объединяли их, – вся семья после подобных разговоров чувствовала себя непреступной крепостью, оплотом понимания, любви и поддержки. Отец с матерью всю жизнь придерживались гуманистических взглядов и, конечно, передали их Ему. Но на этот раз реакция родителей, едва к ним пришло осознание того, в какое русло зашла беседа, была совершенно иной, но они взяли себя в руки. Эта едва уловимая перемена, выраженная в нескольких неловких взглядах и движениях, не осталась Им незамеченной, и он интуитивно ее почувствовал, но не успел осмыслить и продолжил разговор. Они обсуждали арест политических активистов, ту самую новость, которую Он читал с утра. «Да и правильно, что их так, – твердо говорит отец, слегка хмурясь и отводя глаза, словно разум его отторгает эту новую, странную мысль, – ведь еще наговорят чего». Пауза. Мать молчаливо, опустив голову, сидит за той же стороной стола, что и отец. Тут Он замечает окно за спиной родителей, в котором все это время виднелось

их отражение, и, в глубине души пребывая в недоумении, начинает с ними спорить...

Домой Он вернулся в ужасном настроении. Отец в тот вечер спорил, как никогда раньше: он бил кулаками по столу, повышал голос так, что тот пару раз срывался, и даже грозил сыну, что больше никогда не примет его у себя дома. И Он пытался понять, что же это все значило. В голове Его отчего-то всплывали фрагменты сегодняшнего сна, которые он тут же прогонял. Он был твердо убежден: во всем виновата пропаганда. А как же! Иначе и быть не может! Хотя временами Он все же пытался посмотреть на себя со стороны и думал, что все-таки это Он что-то сделал не так. Ведь это Он не навещал их так долго, Он как-то не так повел себя, Он – причина всех бед. Однако ни одна из Его догадок не была близка к истине.

Нет, это не Его вина, отец с матерью вместе чувствовали себя замечательно и не хотели быть обузой для сына; они знали, что у Него все хорошо и понимали, что Он не может постоянно навещать их. Нет, это была даже не пропаганда, вечно убеждавшая людей в том, как все на самом деле хорошо и красиво за окном. Родители твердо стояли на своем, и чтобы одна, две, пусть даже бесчисленное множество телепередач могли разрушить все то, чем руководствовались эти люди всю свою жизнь? Глупость. Он и подумать не мог о том, что родители его, каждый день следя за происходящим вокруг, на протяжении многих лет бессознательно боролись с одной назойливой мыслью, которая с каждым днем неизбежно становилась все сильнее и сильнее. «Ведь мы это все допустили и не смогли изменить, а получается, что и жизнь мы прожили зря», – говорило им что-то каждый раз, когда они читали очередной жуткий заголовок в новостях. И вот Он стал свидетелем того дня, когда жить родителям с этой мыслью стало невыносимо. Разум начал искать способ избавиться от нее. И нашел. И отец, и мать невольно приняли и стали оправдывать все происходящее. Но искать виноватых бессмысленно – просто никто никого не понял.

Артемий Рязанов, 9 «А»

Дети, я научился летать

«Поможет людям, падишим духом»

Многие люди научились плавать в детстве, хотя это же совершенно другая стихия, так почему бы нам просто не научиться летать, это же не сложно, просто подумайте, немного потренируемся, и готово. Ничего трудного.

Ведь люди уже сделали так много всего непонятного, а летать — довольно логично, ведь в природе есть летающие существа, вас не должно ничего пугать — страх тоже мотиватор, его можно направить на работу, вот, в общем-то, и все, удачных попыток в дальнейших полётах!

Екатерина Сергеева, 9 «А»

Конец света

Бешеный ледяной ветер, совершенно несвойственный для июля, срывал с деревьев зеленые листья, валил рекламные баннеры, гнал напуганных прохожих в свои дома. Звук разбившегося окна пробудил двоих в комнате: художника и кота. Мужчина встал с дивана, споткнулся о стопку холстов, подошел к окну. «Странно. Прогноз вроде был другой, так ведь, Джек?». Сфинкс запрыгнул на подоконник и стал внимательно наблюдать за листьями. Внезапно на балкон залетела птица, отчего животное в ужасе отскочило, чуть не упав на осколки. Хозяин, успевший подхватить его в последний момент, был явно раздражен: «Спокойно, Рома, со всеми бывает». Этими словами он пытался успокоить себя. Каждый раз повторял их как мантру при вспышках гнева, чаще всего безрезультатно. Жизнь часто преподносила ему крайне неприятные сюрпризы. Заказы на картины срывались. Готовые полотна не продавались. Люди не горели желанием с ним общаться. Или он с ними.

Такого ужаса Роману ещё не приходилось переживать. Электрический треск обрывающихся проводов, неистовый рев автомобильных сигнализаций, вопли мечущихся в ужасе людей – все это могло быть лишь в одном случае. Это конец света. Конец всему, что окружало в его недолгой, лишенной радостей жизни. Конец несбывшимся мечтам и пустым ожиданиям. Столь недолгое общение с единственным родным живым существом тоже подходит к концу. И кот своим звериным нутром это чувствовал. Он то прижимался к ногам хозяина, то смотрел своими огромными испуганными глазами на пролетающие мимо разбитого окна обрывки бумаги, пластика, картона. Время от времени камнем падали с неба мертвые птицы. Джек взволнован-

но мяукал. Дрожащие руки человека мало успокаивали его. Безысходность и паника были во всем.

«Не может быть!» – стучало набатом в голове. Вслух произнёс: «А не попить ли нам с тобой чего-нибудь?». Роман достал из своих запасов чай с лавандой, который он пил только по «особым» случаям, открыл кран с водой. Тонкая струйка, едва заполнив треть чайника, вовсе прекратилась. Мужчина с надеждой и опаской повернул ручку газовой плиты, выдохнул, когда все получилось. Чайник привычно зашумел. На мгновение показалось, что все в порядке. Из оцепенения вывел питомец, терзающий полуживого голубя. «Возможно, стоило выпускать его на улицу, дать ему увидеть мир таким, какой он есть. Ведь он даже со своими-то никогда не общался. Я отвратительный хозяин. Я вел себя безответственно по отношению к нему. Впрочем, по отношению к себе тоже».

Его жизнь летела в тартарары. Именно теперь так хотелось жить, глотать большими глотками воздух, вдыхать запах новых холстов, красок, терзать в пальцах кисточку и ни о чём не думать. Он так и не написал свою главную картину, которая могла бы перевернуть его мир, принести гармонию и блаженство в истерзанную мрачными мыслями душу. Художник жадно всматривался в мелькание листьев, ловил глазами редкие солнечные лучи, рвущиеся сквозь тучи к земле. Сам не зная почему, вышел на улицу, побрёл привычной дорогой к парку. Перевернутые скамейки, обломанные ветви, мусор и вырванные с корнем цветы – удручающие свидетельства конца жизни.

На уцелевшей скамье сидел пожилой человек. Роман заметил, что он спокоен, словно злой ветер не пытался проникнуть в самую его душу, словно тяжёлые капли дождя не били по седой голове. «Возле него нет ветра!»

Дерево возле старика лишь слегка шелестело листьями, а мягкие лучи солнца тепло скользили по его седине. Художник оглянулся вокруг. Сквозь дождь и порывы ветра он видел то тут, то там людей в их обычном, спокойном, даже скучном, но таком желанном теперь существовании. Мужчина подошёл к старику, спросил: «Вселенная открывает мне часть своей тайны? Как художнику? Что я должен делать? Я не хочу умирать!» Пожилой человек положил тёплую ладонь на его озябшую руку. «Живи. Посмотри, как прекрасен Мир, как прекрасен в нём Человек».

«Но мир рушится! Люди корчатся от страха, боли и злобы! Как жить, если крах не остановить?!» – кричал в небо Роман, торопясь со всех ног домой. На тротуаре увидел мёртвого сфинкса. Завопил от отчаяния и бессилия. Не помня себя, забежал в квартиру. Тонкие пальцы художника не хотели подчиняться воспалённой, измученной голове. С первыми мазками стало приходить спокойствие, а потом и отрешённость от всего вокруг. Он рисовал.

Жив он или мёртв, понять было трудно. Беспорядок и мусор в комнате так противоречили ясному солнечному дню, бьющему в разбитое окно. По всей квартире разбросаны картины. На одной из них краска ещё не просохла. С полотна смотрели огромные грустные глаза сфинкса, так и не нашедшего своего счастья.

Наталья Соболева, 10 «Б»

*** ** *

Было уже около десяти часов утра, а Агния все еще лежала на кровати и считала рыбок на своей пижаме. Она делала это каждое утро, и никто не понимал зачем. Она могла пролежать так около двух часов, смотря в потолок и думая о чем-то своем. Часто девочка думала о своей двоюродной сестре, которая уехала учиться в другую страну, и Агнии очень ее не хватало. Несмотря на то, что у них была большая разница в возрасте, Агния всегда считала ее самой лучшей подругой. И конечно, когда ее самый близкий человек покинул ее, она очень расстроилась и долго переживала. А когда ее спрашивали почему, она всегда отвечала: «Вы что не видите? У меня депрессия...» Вначале эта фраза, которая повторялась практически каждый день, всех очень забавляла и по-своему трогала, но вскоре мама стала беспокоиться, и предложила Агнии писать письма и отправлять их по почте. Агния очень обрадовалась

Мария Тарасова, 10 «Б»

*** ** *

В город пришла весна. И закрывая глаза, можно было почувствовать, как солнце медленно тает и растекается по всему телу, пытаясь отогреть от дурных мыслей. Снег уже давно сошел, воздух потеплел, и люди проснулись от долгих и темных месяцев.

Кто-то коснулся моего плеча, и я резко открыл глаза. Передо мной стоял незнакомый человек, одетый весьма старомодно, но больше удивлял не костюм, а его прямой и лучистый взгляд, так редко встречающийся в наши дни.

С сочувствием посмотрев на меня, Незнакомец сказал: «Через много лет ты с грустью вспомнишь этот день». Весьма озадаченный его неожиданным высказыванием, я неуверенно покачал головой и произнес: «Не думаю, что вспомню самый обычный день с самыми обычными делами, даже если захочу».

и сразу же побежала в комнату, достала все свои сбережения, которые она так долго накапливала в течение двух недель на покупку той самой куклы, с розовым бантиком, на которую часто глазела, стоя напротив витрины. «Ничего, кукла еще сможет постоять немного, я в этом уверена. Я ее уже забронировала. – Агния долго училась произносить это слово, а когда научилась, то старалась все время везде его вставлять, и при этом делая на нем акцент. – Продавец пообещал мне, что он ее никому, кроме меня, не продаст», – так объясняла Агния.

На следующий день девочка вместе с мамой отправились в магазин и купили там самые красивые конверты и марки. «Письмо должно выглядеть красиво и аккуратно, как по-взрослому», – говорила Агния. Вечером она уселась за стол, взяла листочек, свою любимую ручку с перышком и начала думать, о чем же ей написать. Ей столько всего хотелось рассказать. Например, что у соседки наконец-то родился ребеночек и что она предложила ей, Агнии, придумать ему имя; что косточка, которую они посадили две недели назад, наконец дала росток и вскоре из него вырастет персиковое дерево, и она будет посылать ей целые коробки самых вкусных персиков, потому что они вместе посадили эту косточку; что три дня назад она получила не пятерку, а четверку по рисованию из-за того, что вместо дамы в бордовом платье она нарисовала бордового кота, очень, надо сказать, симпатичного, и уж точно гораздо милее, чем эта бордовая дама; что она очень скучает и грустит об ее отъезде... У каждого человека должен быть друг или просто знакомый, которому можно было бы рассказывать все-все на свете. Пускай и глупое и странное, но важное для человека. Невозможно, чтобы не было его или он куда-то исчез. Он всегда есть, может быть, не рядом, но есть.

Ручка докатилась до края стола и со стуком упала на пол. Открылась дверь и вошла мама. Агния спала на своем листочке, на котором так и не было ничего написано. Мама осторожно перенесла Агнию в ее кровать, укрыла одеялом и погасила свет.

Завтра. Все завтра.

Его снисходительный взгляд и легкая ироничная улыбка сразу же заставили меня почувствовать неловкость и смущение за столь глупый ответ, и я уставился на мужчину в ожидании правильного.

– Память порой может сыграть с нами злую шутку. Если хочешь что-то долго помнить, то скорее всего забудешь. А если хочешь забыть, то будешь помнить всегда.

Он сорвал белый цветок с клумбы и сел рядом со мной на скамейку.

– Правда в том, что мы живы, пока живы воспоминания о нас. Мы видим мир сквозь призму наших воспоминаний. Они – это мы. Ведь если бы не было памяти о юности, разве бы мы замечали проявление старости?

Выкинув цветок куда-то на тротуар, мужчина снова встал, засунул руки в карманы пиджака и строго посмотрел на меня.

– Я открою тебе один большой секрет. Мне понадобилась жизнь, чтобы понять это. Если ты чувствуешь себя счастливым, кричишь от злости или плачешь от тоски – просто запоминай моменты.

Мария Трофимова, 11 «В»

Пастор Гордон

В комнату вошел человек, который был представлен герою как пастор Гордон. Конечно, по всем правилам его должны были звать отцом Гордоном, но дело в том, что внешность Гордона никак не могла тянуть на «отца» кого бы то ни было. Пастору было восемнадцать лет. Он был такой худой, высокий и сутулый, что всегда создавал впечатление говорящего крученого железного прута из старинных ворот. Волосы пастора были блекло-рыжими и всегда растрепаны. Пастор пытался замаскировать их под широкополой черной шляпой, которую носил практически всегда, но с небольшим успехом. С лица Гордона еще не успели сойти прыщи, которые разбавляли его многочисленные веснушки на щеках и длинном носе. Еще одним странным компонентом внешности Гордона были большие круглые очки, которые до невозможного нелепого гротеска увеличивали и

Постарайся запомнить каждую окружающую тебя деталь.

Волнуясь, он приблизился ко мне и продолжил.

– Надо закрыть глаза, как можно четче представить все вокруг и щелкнуть пальцами. Повезет, и через долгое время ты вспомнишь. Оно придет само по себе. Не сам день, а тот щелчок, который ты сделал очень давно. И все, что было когда-то, снова возникнет у тебя в голове.

Он замолчал, видно, глубоко задумавшись о чем-то своем, очень личном.

Я медленно оглянулся. Увидел солнце, играющее в стеклах проезжающего трамвая, закрыл глаза, услышал шум фонтана и ровный гул улицы.

Когда я снова открыл глаза, то понял, что сижу на скамейке один. Попытался найти цветок – единственное доказательство той встречи, но его не было. Я встал и глубоко вдохнул запах наступающего лета.

И дышится, и любит, и живется...

А теперь ваша очередь. Просто крепко закройте глаза и звонко щелкните пальцами.

без того огромные голубые глаза. Но самой главной по важности во влиянии на людей была улыбка пастора. Она всегда умела произвести должное впечатление на собеседника. Ведь, когда Гордон улыбался, показывая свету слишком длинноватые худые зубы, выползающие из-под тонкой короткой верхней губы, каждый поневоле задумывался о существовании вампиров.

– Очень приятно с вами познакомиться, – скороговоркой высоким и тонким голосом проговорил пастор Гордон, признательно сжимая и трясая, трясая и сжимая руку героя.

Пасмурный день. Небо стало бело-серым, напоминая выцветший асфальт. Воздух стал густым, безжизненным и холодным. Тени исчезли. Пастор Гордон, засунув руки в карманы брюк, медленно шаркал к дому 651. Ещё издали Гордон увидел отдалённое тёмное строение на выгоревшем, сохшемся пустыре с серо-желтой редкой травой. Забора почти не было, не считая нескольких редких дощечек на заднем дворе. Рядом с черным пятнышком дома, выделявшимся на фоне серо-бело-желтой гаммы, росло огромное сухое голое раскидистое дерево. Его ствол был едва различим, а ветки казались неестественно длинными, большими и острыми. Издалека казалось, словно колючий морской ёж поселился на зубочистке около дома, к описанию которого мы потом обратимся отдельно. Вокруг дома и дерева не было больше ничего. Даже какого-нибудь чахлого кустика не росло рядом. Пустырь был поистине безжизненным и голым. «Вот так и должны выглядеть все мало-мальски уважающие себя пустыри», – подумалось пастору, который все еще медленно и неумолимо приближался к дому, который мы опишем чуть позже. Все другие строения деревни стояли как-то поодаль от пустыря, словно компания людей на вечеринке, избегающих странного парня. Гордон шмыгнул носом и пошел чуть быстрее. Ему было как-то не по себе от вида дома, который мы уже скоро опишем, и того, что никого, кроме него, в самый разгар дня не было на улице. В этот пасмурный день, казалось, что время остановилось. Гордон не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он вышел из дому, и сколько времени сейчас. Это тоже немного действовало на нервы пастора. «Просто не

волнуйся, – мысленно он повторил еще раз, – тебе просто нужно с кем-нибудь поговорить. Разговоры тебе помогают. Сейчас ты подойдешь к дому и поговоришь с человеком внутри». Пастор сильнее ссутулел плечи и пошел еще быстрее. Сейчас он ступал уже не по каменной дорожке, а по облезлой, обожженной траве, которая сразу же начиналась после стройного ряда домов деревни. Тучи стали темнее. А пастор так и не знал, сколько сейчас времени. Возможно, уже два... может, даже три... «Если я опять ничего важного не сделаю до шести, меня будет мучить совесть», – снова пронеслось у пастора в голове. Двенадцать... может, сейчас всего лишь двенадцать...

Пастор Гордон несколько раз быстро нажал на кнопку звонка на старой облезлой деревянной двери. Эта дверь когда-то была светло-коричневого оттенка, а теперь из-за копоти, угля, грязи, времени и еще бог знает чего её цвет был темно-черный. Такое же было и здание, с которым дверь соединялась ржавыми петлями, когда-то забавным и красивым, сейчас же старым, скользким и грязным. Дом был сделан со вкусом, но проблема в том, что это был вкус двухсотлетней давности, если не больше. Здание как будто стало прообразом для всех романов-ужасов, когда-либо пытавшихся описать дом с привидениями. Большие запачканные окна и нестандартная с выступами форма стен придавали еще больше пугающего духа дому. Пастор посмотрел на черную, когда-то красную, черепицу с пустующими отверстиями из-под выпавших кирпичиков и поёжился. Уже минут пять прошло с того мгновения, когда пастор позвонил в дверь и внутренности дома огласил утробный визг звонка. Ничто и никто больше с того мгновения в доме даже не пытался пошевелиться. Пастор нервно обернулся на железный скелет острых ворот за спиной и тут же повернул голову к двери. Гордону начало казаться, что во всем доме живут одни лишь вороны, летучие мыши и пауки. Они затаились за дверью и ждут, когда пастор сам попытается открыть дверь, чтобы скопом вылететь на него. Гордон снова поёжился с непроизвольным вздохом и оглядел из-под нахмуренных бровей пустое пространство около дома с единственным старым голым засохшим серым деревом. Неожиданно дверь резко открылась, чуть не слетев с петель. В образовавшемся проеме стоял человек.

– Ой, здравствуйте, – начал было пастор с облегченной улыбкой и слишком высоким голосом, – дело в том, что я...

– Вас сюда никто не звал, – прохрипел человек. Он всем своим видом напоминал огромного паука – тощий, во всем черном, с мешками под глазами, выдающимся лбом, залезанными волосами и согнувшийся, словно старый осенний лист.

– Дело в том, что я... Что? – пастор слегка отступил, всё еще продолжая улыбаться, правда, уже испуганно.

– Вас сюда никто не звал, – продолжал хрипеть человек, буравя блекло-серыми глазами лицо пастора.

Пастор Гордон выдохнул и потер под очками указательным и большим пальцем уставшие глаза. Затем отнял руку от лица и несколько раз с силой моргнул. Рука пока еще не определилась, где ей будет лучше – на столе

или на лице Гордона, поэтому зависла где-то посередине. Голова болела где-то в самом центре лба, словно туда вонзили гвоздь. Боль мешала сосредоточиться и подумать, она гудела в мозгу пастора. «Нужно выйти на воздух... – вяло пронеслась мысль в голове Гордона, огибая очаг боли, – ...целый день дома... больно... устал». Пастор с усилием потер кожу на лбу всей ладонью, но это не особо помогло. Голова продолжала гудеть, и Гордон чувствовал себя как-то отрешенно, словно был каким-то персонажем чужого сна. Усталость всегда толкала пастора на философские мысли. Гордону казалось, что он не находится в комнате и вообще в этом мире, как будто он просто видит эту сцену в телевизоре или воображает её при прочтении книги. Четкость изображения стала угасать, пастор ощутил, как сознание куда-то уносится, а глаза, да и вообще всё тело стали такими тяжелыми, как будто каменными, ими просто физически стало невозможно пошевелить. Как же до этого пастор мог управлять собой, может, ему только так казалось, а им руководили извне. Вся обстановка и правда стала напоминать чей-то сон, и сейчас этот кто-то просыпается, поэтому пастор чувствует, что он медленно должен... Голова пастора резко опустилась на стол с громким стуком, все тело слегка качнулось, очки съехали с одного уха, и Гордон тут же заснул...

Пастор Гордон поёжился от вечернего холода и, согнувшись, выглянул из-за дуба. После этого дерева началась небольшой пролесок с обширными кронами на высоких стволах. Он создавал приятную для темных замыслов и наблюдения тень, которая именно в настоящее время дня делала каждого своего обитателя абсолютно неразличимым. Пастор слегка подался вперед и сощурил глаза, чтобы получше разглядеть возвышение, так удачно освещенное лунным светом и огороженное насыпью по краям.

– И о чём только этот (злодей) думал, – ухмыльнулся пастор, – здесь же всё видно лучше, чем в партере.

Вскоре Гордон увидел, как от горы из тумана отделились две тени – одна согнувшаяся и дрожащая, вторая прямая и слегка медлительная. Рот пастора пополз в еще большей ухмылке – сейчас он сам увидит признание (злодея) и вся история прояснится. Слегка качнувшись, пастор приготовился слушать. Встав на самый край обрыва, согнувшаяся тень присела на колени. Свет упал на её лицо – изможденное и близкое к истерике.

– П-пожал-луйста... н-нет... – практически взвизгнул человек. Прямая тень подняла пистолет и направила его на освещенное лицо. – Я-я... никому...

Выстрел. Ухмылка слетела с лица пастора. Как оказалось, не все злодеи любят клише. Пастор от страха охнул и тут же с ужасом прикрыл обеими руками свой рот. Согнувшийся человек упал с гулким стуком, а медлительная тень обернулась. Она смотрела прямо на пастора. Глаза Гордона расширились. Ему казалось, что он просто не может их закрыть. Они заставляли его, не шевелясь, в упор таращиться на страшную тень. Тень развернулась и уставилась прямо в то место, где находился пастор. Она слегка наклонила по-собачьи голову, словно прикидывала, когда Гордон сам выдаст себя. Пастор продолжал сжимать руками рот. Тень наклонила голову в другую сторону, всё так же медлительно. А затем направила пистолет

на пастора. Щелкнул предохранитель. Глаза пастора расширились до невозможных размеров. Вдруг где-то в трех метрах от Гордона из кустов выпорхнула с писком какая-то потревоженная полуночная птица. Тень перевела взгляд на неё и, вздохнув, опустила пистолет. Некоторое время спустя медлительная тень снова растворилась в тумане, который стал гуще, оставив пастора всё так же недвижимым. Гордон всё еще с широко открытыми глазами отнял трясущиеся руки от лица и, часто дыша, сполз по стволу дерева вниз. Он ничего не видел перед собой. Тело трясло с неимоверной силой и частотой.

Художник в миру

За окнами пасмурный день, словно вот-вот пойдёт дождь. Неоновая вывеска с синей каймой мигала над входом в жерло узкой лавочки, втиснутой в ряд таких же мелких магазинчиков на первом этаже облезлого многоквартирного дома. Белые в грязевых потеках кафельные стены. Желтый гудящий свет, струящийся от ламп в стеклянных овальных абажурах. По всему периметру и в центре в два ряда стояли четырехъярусные коричневые деревянные прилавки. Гудение от ламп распространялось по всей лавочке. Больше никаких звуков. Где-то в темном углу сидела полная уставшая продавщица с жидкими волосами и подпиливала свои ярко-красные ногти. Шаги Фреда отдавались эхом по плиточному скользкому полу. В лавке было немного холодно. Фред медленно оглядывал продукцию, освещенную желтым гудением, держа руки в карманах тонкой бесформенной темной куртки. Фред остановился рядом с прилавком, где были навалены фрукты, прямо под одной из самых гудящих ламп. Фред вынул правую руку из кармана и дотронулся кончиками пальцев до зеленых яблок. Под светом лампы все яблоки казались одинакового салатново-парафинового оттенка. Фред взял одно круглое плотное яблоко и немного полюбавался на свои длинные пальцы и словно нарисованный фрукт. Яблоко было сухим и при этом всё же скользким. Фред улыбнулся. «Господи, как же здесь красиво...» – подумал он.

– Мужчина, вы покупать будете? – со стуком отложив пилку и, чавкая жвачкой, спросила продавщица.
– Нет, я просто смотрю, – Фред мотнул головой и положил яблоко на прилавок. – Знаете, у меня вообще на яблоки аллергия.
– А, – не то с отвращением, не то со скукой выдавила из себя продавщица и снова продолжила пилить свои ногти.
Фред снова повернулся к прилавку на этот раз с лимонами, но они были не такими красивыми, как яблоки. Потом шли желтые, недозревшие нектарины с ярко-красными наливными бочками и коричневатыми веснушками. Фред лишь обернулся к соседнему прилавку с булочками, которые были свалены без обертки и сохли, превращаясь в камни, в своём разнообразии. Фред около пяти минут смотрел на спирали витушек с корицей и изюмом под раздражительными взглядами продавщицы. Через минуту Фред вышел из лавочки, держа в руках пакетик с витушкой, ёжась от холода и улыбаясь.

– И всё-таки там красиво, – сказал он еще раз.

Виктория Хуснутдинова, 9 «Е»

Размышление внутреннего голоса

*Ароматный чай.
Гортензия.
Пижамы.
Ты лежишь как будто без дыхания.*

*Все, о чем ты думаешь, – неправда.
Демагогия – коварна.
Ты больше не думаешь о смысле жизни,
Перелистнув последнюю страницу книги.
Ты больше не хочешь видеть эти лица,
Опустошённые глаза и скользкие, как спицы,
Слова, произнесенные тогда.*

*Хочешь ты не хочешь –
Это правда.
Люди не всегда бывают добрыми, как в сказках.
Все, о чем тебе остаётся думать, –
Это о несправедливости и том, как она чужда.*

*Давай мы просто уйдём отсюда!
Забудем все слова, которые так давят грубо.
О том, как люди могут ранить,
И об оставленных осколках-шрамах...*

*Заварим чай, переоденемся в пижамы,
Возьмём гортензию у нашей тети Вали,
И мирно попивая чай горячий,
Мы просто будем друг у друга – счастливым.*

Верлибр

*В комнате тишина.
И никого, кроме тебя.
Ты не находишь слов для описания,
Чтобы понять, что происходит в мире страдания.*

*Когда не спишь, не ешь, а только дышишь.
Когда ты хочешь ненароком
Приблизиться к кому-то и услышать,
Как важен ты здесь, твой взгляд, твоя улыбка, твой
смех и то, как ты забавно хохочешь во сне.*

*Порой бывает этого достаточно,
Чтобы понять, что ты не делал ничего неправильного.
Что ты не лишний человек, а что ты личность.
И все твои слова безразличны!*

*Что ты, возможно, заблуждаешься,
Что жизнь – это не что иное, как страдание,
Ведь если это так, то это лишь для твоего сознания.*

*Потише, успокойся, расслабься,
Возьми книжку почитай,
Прими ванну, слушай музыку.
Сейчас тебе решать, что делать в будущем.*

*И все что было ранее – не важно,
Ведь мы живем сейчас и в настоящем.*

Монолог с собой

*Послушай...
Тихий шелест травы, звон ручейка.
Ты один, вместе с книгой в руках.*

*Созерцаешь мир,
Смотришь в окно,
Думаешь – зачем все оно ?*

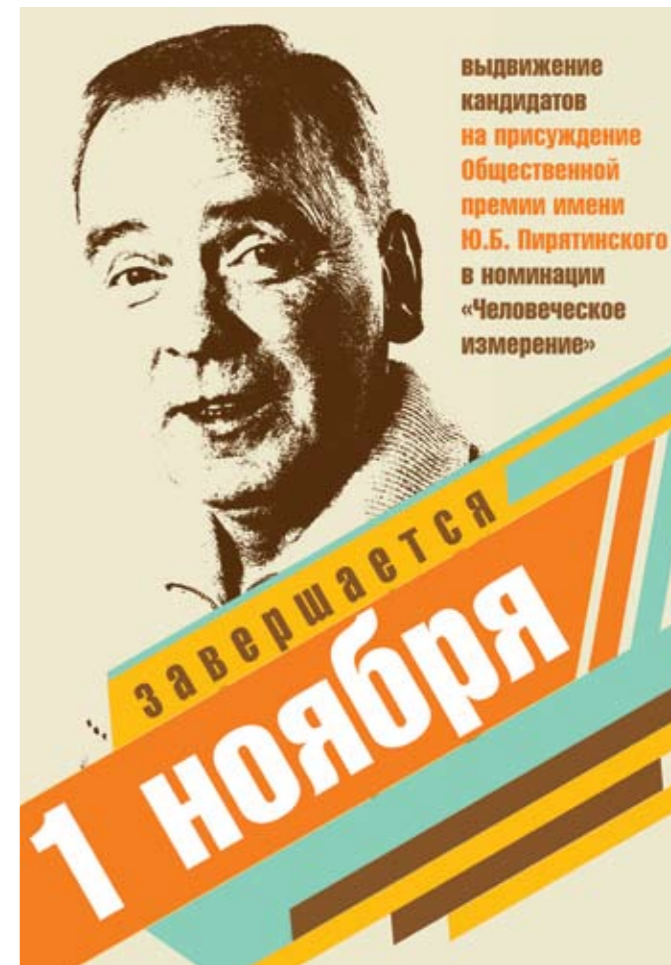
*Зачем эти строчки,
Что в книге, как кошки,
Отвлекаясь на цветочки,
Ты сбиваешься со строчки,*

*Теряешь смысл, забывая про мысль,
Уходишь в раздумья,
О любви и жизни...*

*И так каждый день.
Ты витаешь в пространстве.
Не зная себя, свою ауру, счастье...*

*Задержи дыхание,
Погрузись в отчаяние,
Выпей чаю,
Посиди с друзьями,
Оторвись по полной
Со своей любовью!*

*Оглянись вокруг.
Слышишь шелест травы?
Звон ручейка, звуки любви...*

выдвижение
кандидатов
на присуждение
Общественной
премии имени
Ю.Б. Пирятинского
в номинации
«Человеческое
измерение»

Дирижёр своей судьбы

*И в погребённом настроении
Ты выплываешь в свет.
Рождаешься заново в неведении,
Что ждёт тебя на дне.*

*На дне,
Когда кошмары станут явью.
Когда мечты вспарят и улетят –
В неведомые страны,
За тридевять земель –
К ногам.*

*К ногам людей, чьи цели реальны,
Чьи умыслы чисты,
Кто никогда не будет хвастать
О том, что он достиг, в отличие от других.*

*Кто будет тих, смиренен и покорным,
Кто будет честен сам с собой.
Кто не посмотрит вслед другому,
Сказав, что ему просто повезло.*

*Весь этот мир – кусок материи,
Где ты всего лишь чудное мгновение.
И в бдени, и в бремени
Судьба твоя вне времени.*

Николай Цибин, 11 «А»

*** **

(фрагмент)

Траурная процессия двинулась в сторону склепа. Ворота оказались на удивление всем открыты, тяжёлый замок мирно лежал в открытых створках и глянцево отражал свет свечей и полной луны. Сразу пошли разговоры о произошедшем, хозяйка запаниковала. Музыкант с улыбкой отошел в сторону и присел на замшелый камень возле ограды, спустя минуту к нему подошел брат покойного.

– Ну хоть что-то интересное случилось, да, Элдрик? – обратился сидящий к двигающемуся в его сторону человеку.

– Я тоже так думаю, хоть что-то интересное, а то я помирал от скуки, – ответил Элдрик, садясь на землю и опираясь спиной на камень.

– Как давно ты тут, дружище?

– Как мы с тобой расстались у замка герцога «Ворона», так я сюда и помчал, стало быть, уже два месяца, – ответил сидящий на земле, запустив руку во внутренний карман дублета, – у меня для тебя, кстати, сувенир из местной корчмы, – улыбнулся он.

– Что там у тебя? – пробормотал музыкант, разворачивая переданную ему бумагу. «Награда за голову дебошира, разбойника, заговорщика Тея Скера», – с улыбкой прочитал он, – а тебе не кажется, что они переоценивают и очерняют меня? И нос у меня не такой, как на портрете! Он у меня всего три раза сломан, а тут будто раз двадцать...

– Я знал, что тебе понравится.

Их разговор был бесцеремонно прерван хозяйкой имения.

– Вы же разбираетесь в таких вещах, господин Скер, пособите старой вдове, да и ты, Элдрик, вроде как понимаешь в этом что-то, хватит тебе просиживать штаны. – Эта просьба больше напоминала приказ барина двум холопам.

Элдрик сидел у ворот, с недоумением вертя в руках нетронутый замок.

– Чертовщина какая-то, Тея, посмотри на это, замок не тронут, следов нет, либо тут работал очень серьёзный профессионал, либо это выходки какого-то призрака, сказать по чести, я больше склоняюсь ко вто-

рой версии, невозможно не оставлять следов, а мы на островах учимся распознавать малейший след, – чуть не кричал он.

– Идея про дух интересная, тем более ее можно подтвердить завихрениями на тропке к склепу... – отозвался из темноты музыкант.

– Черт, Скер, ты шутить надо мной вздумал? Не самое подходящее время.

– Я не шучу, возьми свет и подойди.

Островитянин бросил изучение замка и, сняв с пики свечу, подошел к товарищу, прямо на тропинке у ног Тея виднелась воронка, будто микровихрь закрутил и бросил песок на место.

– Признаться, ничего не понимаю, если это дух, мать его, зачем ему снимать замок с ворот? А если это человек, как он может не оставлять следов? – вставая с колен, проговорил музыкант.

– Эх, поэт... как снять замок, не повредив его? Элементарно, ключом, как оставлять завихрения, плащом заметать следы, но вот одного не могу понять, на кой ему оставлять ворота открытыми? – островитянин демонстративно пустил вихрь своим зеленым плащом

– Может, он хотел сбить нас с толку? – развел руками Тея.

– Господа, вынужден прервать вас и сообщить, что госпожа Аннет просит зайти в кабинет покойного, – из проема ворот сказал паж.

– Эта баба даже работать не дает спокойно... а я Брану говорил, эти цивилизованные красотки его до добра не доведут... – ворчал Элдрик.

– Ладно тебе, Бран последние полтора года своей жизни отошел от дел, – согласился Тея, – а сын его так и не принялся за дела.

– Южанин... – многозначно сказал островитянин.

Дальше шли в тишине, каждый думал, что говорить хозяйке.

Вошли в кабинет, ранее принадлежавший Брану: стены из векового дуба обиты шкурами зверей, громадный стол из сосны, кресло, устланное шкурой медведя. Аннет смотрелась в нем как чайка в гнезде грифона, но все равно это с виду суровое помещение отдавало южным теплом и высоким нравом.

– Из склепа украли лишь медальон Брана, а из кабинета его оружие... – сказала убитая горем хозяйка.

– Я понятия не имею, что происходит, – признался Элдрик, а Тея лишь потупил взгляд и вперил его

С 2016 года Пирятинская премия совместно со школой № 1505 и журналом «Историк» является соорганизатором лектория «Историк» на Преображенской». Новые лекции состоятся уже этой осенью.

в пол, а через минуту поднял взгляд на товарища и поочередно мигнул обоими глазами.

– Никаких следов... – вздохнул музыкант, – нам не за что зацепиться...

– Из уважения к моему брату и роду мы попытаемся что-нибудь отыскать.

Товарищи синхронно откланялись и покинули помещение. Выйдя из дома, сели на ступеньки.

– Моя идея совсем идиотская. Ты уверен, что Бран был мертв? – спросил музыкант.

– Конечно, уверен. Ты меня за дурака держишь?

– Подумай, кому нужно оружие и медальон Брана? Слушай, ты когда в последний раз был на островах?

– Я-то не был там с того момента, как меня выгнали из клана... – А что-нибудь слышно?

– Старик пишет мне раз в полгода. Писал, что Кир ушел с островов...

– Кир?

– Старший из нас...

– Подожди, все же досталось Брану, как старшему, не так ли?

– Все сложнее, Тея, ты уверен, что хочешь это слышать?

– Да, мне интересно, к тому же это может нам помочь.

– Ну слушай, – Элдрик достал трубку, высек огонь, выпустил облако дыма. – Наш род один из знатнейших на северных островах, у Дарта от первой жены было два ребенка, Кир и дочь (ее я ни разу не видел), от нашей матери два сына и множество дочерей, из сыновей он отдавал предпочтение мне – младший, отрада на старости лет. – Голова Элдрика упала на грудь, он выпустил коль-

цо дыма и продолжил: – Мы с Браном росли бок о бок, и я его очень уважал. С Киром виделась редко, он жил в отдельном доме, мать он терпеть не мог.

– Что между ними случилось? – прервал Тея.

– Первая жена несколько раз пыталась убить Отца. Но сейчас не об этом, Кир недолюбливал мать, а она отнеслась к нему более или менее нейтрально, Отец давно написал завещание, с разрешения Брана все было моим. Но потом был Путь война, его мы проходили втроём, я, Бран и парень с восточного острова. Первый час восхождения шел спокойно, только пара гарпий, но парень неплохо стрелял, на все уступы нас закидывал Бран, а я рубил волков и прочее зверье, мешавшее нам в восхождении. Мы сделали привал у отвесной стены, запалили огонь. Солнце садилось за гору, Бран, стоя в его лучах, держал в руках дубовый щит и смотрел вдаль. Волосы его сверкали в лучах. Раздался рев – все вскочили, обнажили оружие. Громадный медведь, раза в два больше обычных, стоял перед нами. Мы закинули лучника на возвышенность, Бран выхватил топор и бросился в бой, одним ударом медведь сломал брату щит. Я толкнул Брана, благодаря этому он ушел от второго удара. Зверюга теснил его к стене, лучник пускал стрелу за стрелой, но они тонули в густом мехе. Как только Бран прижался к стене, лучник схватил его за плечи и потянул вверх, я подтолкнул брата снизу, они были в безопасности, лучник пустил последнюю стрелу, она вонзилась в глаз монстру. Бран метнул топор, подрубив медведю заднюю лапу, и они побежали. Я остался, увертываясь от зверских ударов, рубил лапы, зверь с размаху выбил у меня меч, я вырвал из плоти чудовища се-

киру и нанес сокрушающий удар снизу вверх в голову, отрубив ее. Голову привязал к поясу, а она, надо сказать, размером в четверть моего тела. Продолжать путь я не мог, рука была перебита, я сошел с Пути, в лесу наткнулся на лагерь разбойников: трое кое-как вооруженных людей. Бой был нетрудный, что могут три оборванца против Элдрика Волчьей Лапы? К началу Пути я вернулся через десять минут после Брана и Теаргона, так звали этого парня, после он стал капитаном охраны в порту. Меня изгнали с островов как не прошедшего Путь, трофей я отдал Брану и Теаргону, брат долго хлопотал, чтобы я остался, но ничего не вышло. Теаргон тайно дал мне лодку, и я уплыл. Отец переписал все на Брана, я был лишён права наследования, а Кира опять все обошло стороной, вскоре отец пал в бою с Южанами. Сейчас глава дома – Рея, старшая из сестер, только она и старый слуга помнят обо мне... Кир бесился, что фамильное оружие и медальон второй раз ушли от него, он недавно поссорился с Реей и покинул дом.

– Тяжко тебе пришлось... ладно, сейчас не об этом, давай думать, знал ли твой брат, где и когда хоронят Брана?

– Конечно, знал, я всем писал... но если ты причисляешь его к краже, это глупо, мало того, это не в чести у нашей семьи, он покинул острова два дня назад, если честно, это меня больше убеждает...

– Ладно, нечего нам штаны просиживать, пойдем осмотрим склеп еще раз, – озвучил общую мысль Теей.

Отправились к месту преступления, нового там ничего не обнаружили, только когда уже собирались уходить, Элдрик предложил сесть на каменную

ограду поместья и обсудить дальнейшие планы. Опираясь на обе руки, он запрыгнул на ограду, но рука соскользнула со мха, набухшего от прошедшего недавнего дождя, и островитянин с грохотом и бранью упал снаружи имения.

– Ты там живой? – послышалось из-за ограды.

– К сожалению, только приложился головой о землю, – откликнулся Элдрик, отряхивая одежду и поднимая факел. – Черт, Скер, ты должен взглянуть на это, давай сюда, – закончил он, поднося источник света к стене.

Через минуту товарищи стояли и рассматривали выдолбленную в каменной ограде лестницу и обрывок плаща на ветке дуба.

– Ну, теперь мы точно знаем – это не дух, – подвел итог музыкант.

– На коней! – крикнул варвар и пронзительно свистнул.

Теей последовал его примеру. Спустя непродолжительное время Элдрик достал из седельных сумок своего скакуна, гнедого, приземистого жилистого жеребца, свою кольчугу и просунул боевой топор в ременную петлю за спиной, а Теей оседлал свою серую длинноногую кобылу.

– Куда мы? – вскакивая в седло спросил Теей.

– На ближайший постоялый двор, возможно, его там видели, – ответил, пуская коня рысью, островитянин. – Пошел, Шторм! – обратился он к лошади, и та понесла его.

– А если нет? – нагоняя, спросил его товарищ.

– А если нет, я просто напьюсь, – послышалось сквозь ветер.

Анастасия Черкаева, 10 «Б»

А ты знаешь?

*Каждый день снова Солнце восходит.
А ты знаешь, что это значит?
Это значит, надежда приходит,
Что не будут вечными ночи.
Каждый раз зажигает звёзды
Какой-то добрый фонаричик,
Хотя делать это не просто.
А ты знаешь, что это значит?
И ещё каждый день дует ветер,
Облака, этим ветром гонимы,
Всё летят и летят над волнами,
Что так часто бывают бурливы.
А ты знаешь, что это значит,
Когда сердце быстро забилося?
И когда на тебя взглянула,
Всё в мгновение переменилось.
А ты знаешь, что это значит,
Когда мы далеко друг от друга?
Когда писем друг другу не пишем,
И не можем увидеть друг друга?
А ты знаешь, что я влюбилась?
Что открыться теперь мне страшно?*

*Доверяться вот так отвыкла,
Я боюсь нового обмана.
Не волнуйся, пойди мне навстречу.
Знак подай иль открыто скажи.
Будь уверен, тогда я отвечу;
Только взгляд свой не отводи!
А ты знаешь, зачем мне грустно?
И зачем же сейчас так страдаю?
Я влюблённая дурочка просто
И сама себя не понимаю.
Знаю только, что, если откажешь,
Оттолкнешь ты меня слишком
сильно,
Будет больно, и сердце ранит,
Когда станет невыносимо.
А ты знаешь, что я надеюсь?
То, что жду тебя денно и ночью?
Помнишь, что ты являлся
во сне мне?
Я ищу с тобой встречи нарочно.
Каждый день снова Солнце восходит.
А ты знаешь, что это значит?
Это значит, надежда приходит,
Что не будут вечными ночи...*

Ксения Чечелева, 11 «А»

*** ** *

Когда вы последний раз гуляли по вечерней Москве? Когда вокруг музыка, все наперебой играют Цоя? Когда мимо мелькают дома, озаренные теплыми лучами заходящего солнца, дома всё-таки любимого города. Хотя, пожалуй, что любой город будет обманчиво казаться любимым, в такой волшебный момент, как кажутся нам люди в лучших своих проявлениях. Вот прошла забавная женщина. Она ростом с десятилетнего ребенка, однако её лицо выглядит изжитым. Вокруг глаз красуются круги из синих теней, а вокруг губ розовая помада. Кажется, что если не этот боевой раскрас, то лица у неё

вовсе бы и не было. Промелькнула очередная большая витрина ресторана, которых в Москве поболее, чем больниц и школ. Типичный московский работник нерусского происхождения старательно вымывает большую витрину. В его руках огромная швабра в три его роста, вместе с которой он вытанцовывает искусные пируэты в попытках очистить стекло.

Когда вы последний раз ездили к старому другу в гости? Когда поезд вот-вот остановится и объявят стоянку три минуты. Когда стоишь в тамбуре, а руки уже наливаются теплом объятий, ноги подкашиваются и глаз следит за каждым мелькающим в окне кустиком. Выбегаешь из вагона и, как торпеда, несёшься по платформе, виснешь на шее, бросив сумки на сухую от жары землю.

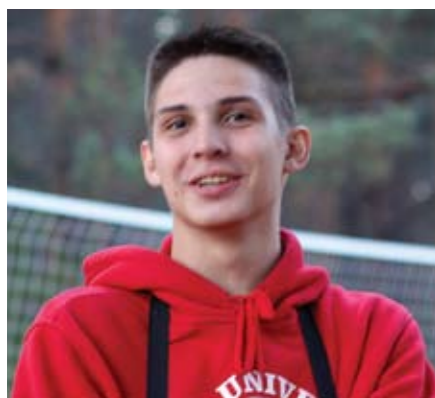
Когда вы в последний раз встречали рассвет? Когда разговор ваш бежит вперед, слова льются, как тот чай в ваших чашках. Когда на часах три, но спать совсем не хочется. Тёплый июльский воздух, дачная веранда, жёлтая пластмассовая люстра, тускло освещающая стол. Светает. Четыре утра. Вы сидите на крыльце и поёте песни. Солнце начинает подниматься, и небо наливается розовым цветом.

Когда вы в последний раз срывались и уезжали так далеко, что было невтерпёж попасть домой? Когда сидишь где-то там, а дома вечерняя Москва, друзья с чаем и долгие тёплые объятия. Когда бросаешь всё, покупаешь билет на ночной самолёт и не можешь уснуть на борту, перебирая все эти мысли в голове? Когда с чемоданами, тюками и рюкзаком бежишь к выходу, а тебя вдруг встречают...

Когда вы в последний раз готовили кому-нибудь? Когда вы в последний раз вставали раньше солнца и шли гулять? Когда вы в последний раз рассматривали человека в вагоне метро? Когда вы в последний раз готовили вместе с бабушкой пирог? Когда вы в последний раз говорили: «Люблю»? Ведь вся наша жизнь в этих «когда».

Ради премии стараться не надо

Илья Мазёлкин,
лауреат премии
2017 года
в номинации
«Человеческое
измерение»

Самого Юрия Брониславовича я уже в школе не застал: когда я пришел в школу, его не стало. Мама о нем рассказывает. Многие о нем говорят, что он был суровый учитель, но при этом всегда добавляют: он был очень хороший учитель. Учитель с большой буквы. Почетно быть лауреатом премии имени такого человека.

Но вообще это был абсолютно неожиданный для меня выбор. Я был в полном шоке, когда узнал, что я – лауреат. Сказать, что я был очень удивлен, – значит, ничего не сказать. Конечно, я знал, что есть такая премия, что есть у нее такая номинация, что премия дается людям, которые как-то или в чем-то отличились, но что выбор падет на меня, об этом я никогда не думал. Честно!

Мне было приятно, что все за меня очень радовались, говорили, что я молодец, хлопали по плечу, поздравляли. Причем это продолжалось недели две, ну, может быть, чуть меньше, но неделю – точно. А дома все были в шоке. Мама даже плакала. Она тоже не ожидала. Почему?

Не знаю. Я думаю, наверное, потому, что, кроме меня, много кто достоин этой премии, а выбрали меня...

Как я сам отношусь к этому выбору? Сложный вопрос. Как на него ответить? Мне трудно себя оценивать по шкале «достоин или не достоин». Ну, наверное, коль скоро стал лауреатом, значит, достоин. Если меня выбрали, значит, я как-то себя проявил в глазах людей, заслужил их признание.

Но если честно, мне кажется, что премия в номинации «Человеческое измерение» такова, что ее вообще не надо специально завоевывать, «заслуживать», не надо ради нее стараться, не надо к ней стремиться. Неслучайно же человека в этой номинации могут выдвинуть другие люди, а не он сам, как в «творческой» номинации «Русская словесность». Я же никогда не думал, что стану лауреатом «Человеческого измерения», но меня выбрали, значит, что-то я такое делал, чего даже сам не замечал. Так что я считаю, что ради премии стараться не надо. Как живешь, так и живи!

Мне очень важно осознавать, что первым лауреатом Пирятин-

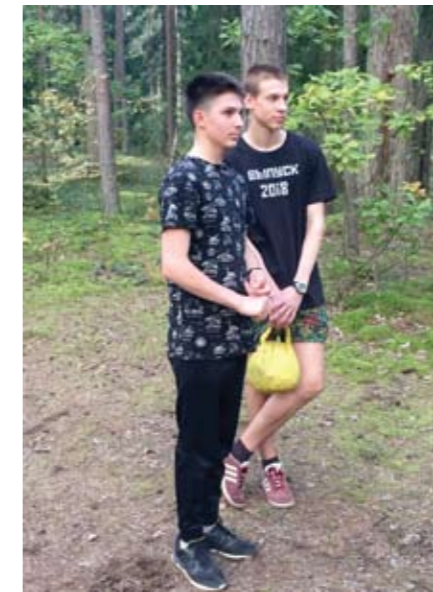
ской премии в 2014 году была Катя Копыт. Мы с ней дружим уже шесть лет, если не больше. Это настоящий друг – для всех в нашем классе. Катя – очень достойный человек.

Наш класс многие хвалят. Говорят: «Он удивительный какой-то у мамы получился». Согласен, удивительный. А вот что в нашем классе удивительного, трудно так сразу сказать.

Так получилось, что в нашем классе очень много братьев и сестер тех, кто уже окончил нашу гимназию. Есть среди них и те, кого моя мама учила, – например, старшую сестру нашего Дани – Яну Климовку. А есть еще Дима – брат Кати Шигаровой, Лиза – сестра Дима Булаева, Ксюша – сестра Дани Харламова, Аня – сестра Аси Ярош. У нас у половины класса родственники учились. Многие из нас еще до школы подружились, и потом уже вместе пришли в гимназию. Может быть, поэтому у нас такой дружный класс? Ну и, конечно, важно то, что и мама окончила гимназию...

Классический вопрос, который задают «учительским детям», таков: «Когда мама работает учителем в твоей школе и даже, больше того, учит тебя и при этом еще и твой классный руководитель, легче учиться в школе или труднее?» Я честно отвечаю: труднее.

Просто некоторые думают, что мне делают какие-то поблажки, потому что я сын учителя. На самом

деле, мне больше других достается. Я даже не знаю, как это правильно сформулировать, но это даже хорошо, что трудно. Потому что если бы для меня делали исключение, я бы и стал каким-нибудь «учительским сыночком», который привык к поблажкам. Такой человек и дальше по жизни пойдет в надежде на всяческие послабления. Это неправильный подход. И спасибо маме за то, что с меня требует иногда даже больше, чем с других...

Кстати, самый любимый мой предмет – мамин, математика. Мне нравится разбираться во всех этих хитросплетениях. Алгебра, конечно, проще, потому что ты просто вычисляешь, а вот стереометрия – другое дело: мне нравится разбираться в доказательствах, искать решения. Это прямо завораживает.

Я считаю, у нас необычная школа, особенная. Я не знаю, плюс это или минус, но мне кажется, что у нас установилась традиция очень тесного человеческого

общения учеников с учителями, и наоборот. В начальной школе у меня такого не было: конечно, мы еще маленькие были, но все равно. А у нас в 1505-й – подходишь к учителю и можешь с ним поговорить на любую тему, и тебе всегда помогут, всегда тебя выслушают. Я не преувеличиваю: к любому учителю подходи, и в любом встретишь такое отношение. Думаю, в этом и есть наша особенность. По крайней мере, одна из особенностей.

А еще у нас в школе учиться много достойных людей, и многих можно смело выдвигать на соискание Пирятинской премии. Мне кажется, в каждом классе есть такой человек, который достоин этой премии. Нужно просто приглядеться. Я, например, хоть сейчас готов выдвинуть кандидата на премию, но поскольку по уставу премии выдвижение на «Человеческое измерение» должно быть тайным, сделаю это в установленном порядке...

Не бойтесь себя преодолеть!

Мария Гуманова,
лауреат премии
2017 года
в номинации
«Русская словесность»

Примерно в конце апреля прошлого года на наш урок истории зашел Владимир Николаевич Рудаков с объявлением о премии Ю. Б. Пирятинского в номинации «Русская словесность». Я вспомнила, что планирую идти на профильную математику, и поэтому поначалу пропустила это объявление мимо ушей. Человеку с непрофильной литературой как-то даже неловко участвовать в конкурсе литературных произведений. Разве не так? И вообще я не придавала особого значения тому, что писала. После урока мы перекинулись парой фраз с ребятами и узнали друг у друга о желании участвовать. Я многозначительно промолчала, отшучиваясь, что если напишу что-нибудь стоящее, то отправлю минут за 15 до конца подачи работ и то если смелости хватит. Хотя заранее знала, что не хватит, да и не напишу. Я отложила эту тему и решила к ней не возвращаться, дабы не позориться и не тешить себя мыслями об участии. Или тешить?..

Все мои самые большие страхи я преодолеваю, начав свое предложение с фразы: «Мам, слушай, а не сделать ли мне...». Самое смешное, что эти мысли приходят ко

мне тогда, когда я их не жду. Так вот, одним августовским вечером я сказала эту страшную фразу вслух и получила ожидаемый ответ. Это был своего рода знак, толчок на старте или же просто ирония судьбы. И я загорелась этой идеей и стала думать над ней.

Было начало нового учебного года. Беготня, новые лица, старые лица – все это меня радовало и волновало. Между тем я ни на минуту не забывала о конкурсе. Написав все свои работы, я должна была набраться решительности и смелости, чтобы отправить их. И ждала этого момента, как нажатия курка. И я щёлкнула мышкой, а в ответ мне пришло дружелюбное «Маша, спасибо!» от Владимира Николаевича. Душа была свободна, но облегчения я не почувствовала, а вместо страха появилась тревога. Сомнения стали одолевать меня и одолевали еще долгое время...

Я всегда буду помнить эту минуту, когда я стояла на сцене с дрожащими коленками, ожидая вскрытия конверта. Дрожали они не потому, что волновалась об имени победителя, а потому, что понимала, что я стою на той самой сцене во время вручения премии Ю. Б. Пирятинского! Я была в ребячем восторге, видя некоторые освещенные софитами лица в

зале, которые были сосредоточены на сцене. И это главное. Что людям было не все равно. Тогда я уже прошла свой путь и была самым счастливым ребенком на планете. Узнать имя было как съесть десерт после обеда. Ведь всегда хочется сладкого, несмотря на сытость, не правда ли?

Так что такое премия? Раньше я даже не представляла всего того, что узнала за прошедшее время. Премия – это не только конкурс литературных талантов. Это проверка себя на смелость, а друзей – на верность и честность. За тот период я, конечно, немного разочаровалась в одних людях, но открыла для себя целый мир в других, за что я выражаю им самую искреннюю благодарность. Премия учит тому, что нужно научиться говорить правду. Именно

та, которая в сердце, а не в голове. И уметь прощать. Мы все знали, на что идем. Я не хотела выигрывать конкурс, потому что это не было моей целью. Выигрыш был чем-то запредельным. Я победила сама себя тогда, когда получила в руки бумажный экземпляр газеты, в которой было напечатано мое произведение и довольное улыбающееся лицо. Для меня мой конкурс закончился именно на этом.

Знаете, совершенно не важно, кто вы «по профилю» – математик, физик, биолог или литератор. Пусть это не ограничивает вас и ваши возможности. Ничто не должно ограничивать ваши устремления, кроме законов физики, моральных норм, Конституции РФ и вас самих! Так что вперед!

Даже ошибка – это не конец жизни, это лишь еще одна допол-

нительная попытка взять непокорную высоту. Конечно, не каждый шаг, совершенный вами в жизни, оказывается правильным. Мы можем оступиться, споткнуться или даже упасть. Мы же все равно поднимемся и продолжим путь вперед. И это тоже один из уроков, который преподнесла мне жизнь в лице Пирятинской премии.

Поэтому, друзья, не останавливайте себя, ведь не выиграть премию – это не значит проиграть ее! Вы уже победили, когда сели за работу, когда отправили ее на конкурс, когда вышли на сцену! Сами того не замечая, мы порой делаем удивительное – берем ранее недоступную высоту, преодолеваем себя – свои страхи, свою робость, свою неуверенность в себе и других. Не бойтесь себя преодолевать, оно того стоит!

ЗАРУБКИ ПАМЯТИ

**Андрей
Балинский,**
юрист (Банк России),
выпуск 1998 года

У писателя Виктора Астафьева есть такие короткие рассказы – затеси. «Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стёс, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издали, и ходили по тайге от меты к мете». Вот и я хочу вызвать из своей памяти «зарубки», которые оставил в ней Юрий Брониславович Пирятинский, наш Ю. Б. – без всякого преувеличения, Магистр юных душ.

Уроки Ю. Б. – уроки как прямом смысле – уроки русского, так и в переносном – жизненные уроки, которые он нам преподавал. Они часто были неявными для нас, испытуемых им учеников. Но сейчас, спустя время, я все отчетливее понимаю: Ю. Б. трогал струны наших детских ещё характеров, заставляя нас становиться лучше, чем мы были. Назову лишь некоторые из них.

КНУТ И ПРЯНИК, ИЛИ ВЕРИТЬ В СЕБЯ

Спустя несколько месяцев учёбы я уже в отчаянии осознавал, что в классе я «балласт», а Ю. Б. использовал именно это слово и вполне открыто на уроках говорил, что «если бы класс избавить от балласта в виде отстающих учеников, то работать ему с оставшимися вдумчивыми и знающими стало бы намного приятнее». Но во время изучения темы обособления причастных оборотов я её вдруг хорошо понял и запомнил. В общем-то, ничего сложного в основном правиле нет: если причастный оборот стоит после определяемого слова, он обособливается запятыми, до него – не обособливается запятыми. Отвечая у доски, я легко справлялся с упражнениями по их обособлению. На перемене ко мне подошёл Ю. Б. и спросил, как мне удалось так прибавить в знаниях. К этому времени авторитет Ю. Б. был уже настолько велик, что похвала от него окрыляла. Это был мощный ободряющий стимул учиться, верить в себя, не быть балластом.

ПОЗОРНЫЙ ТРЮЛЬНИЧЕК, ИЛИ НЕ БЫТЬ СЕРЫМ

«Серая масса», «серость», «трюльничек» (в смысле «тройка»), «посредственность» – Ю. Б. умышленно колол этими словами, чтобы мы не были серыми и посредственными.

Выучить средненько, как мне кажется, было даже более позорно, чем не выучить.

Невыучивший урок получал справедливый гнев, но выучивший плохо получал унижение.

В итоге мы приучались если делать, то делать хорошо, и отличаться этим от некоего среднего уровня, старались делать лучше среднего.

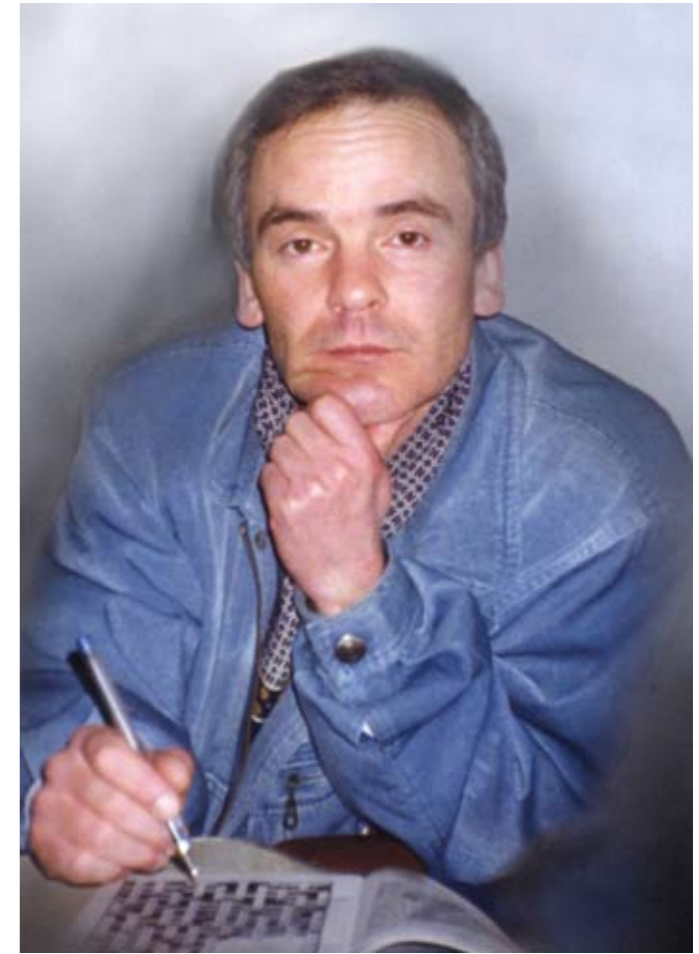
Будучи сам бесконечно оригинальным, Ю. Б. ценил оригинальность и в других. Тех из нас, кто мог сделать шаг в каких-то ситуациях «из ряда вон», Ю. Б. отмечал и привечал.

КАЖДОЙ ВОЧКЕ ЗАТЫЧКА, ИЛИ БЫТЬ АКТИВНЫМ

В продолжение сказанного про серость: Ю. Б. любил эту поговорку (мол, «опять ты – каждой бочке затычка!»), но при этом он всегда приветствовал активную жизненную позицию. Гимназический театр, волейбол, походы, поездки, кроме уроков, мы могли искать и находить множество проявлений своей энергии. Ю. Б. ценил силу в нас – и физическую тоже. Никакой политкорректности: полных спокойно мог называть жирными, а худых – дистрофиками, и если такая словесная «прививка» болезненна, не беда. Такой у него был метод «врачевания».

МОЗГ ЕСТЬ? ДУМАЙ

Интересна история с выставкой «Москва – Берлин». Ю. Б. потащил класс на эту знаменитую выставку, приехавшую в Москву весной далекого 1996 года (мы были в девятом классе). Речь шла о совместном проекте Берлинской галереи и ГМИИ им. Пушкина – выставка «Москва – Берлин – Берлин – Москва. 1900–1950». Как было сказано в очерке об этой выставке из «Коммерсанта», эта беспрецедентная по замыслу и масштабу выставка была «попыткой сопоставления целей, иллюзий и

преступлений первой половины века, путей, стилей и судеб двух культур, находящихся в напряженном взаимодействии». Могли ли мы впитать в столь нежном возрасте все смыслы этого сопоставления? Сложно сказать, но ужасы тоталитаризма и явные культурные параллели вошли в мозг навсегда. Этим Ю. Б. задавал высокую планку серьёзного отношения к детям. Он давал возможность думать. Решение было за нами.

Каждый из нас брал, что мог, что было по силам в те моменты.

ЯБЛОКИ В ШОКОЛАДЕ, ИЛИ БУДЬ ВОСПИТАННЫМ

Ехали мы в поезде, в плацкартном вагоне в очередную поездку, на «боковушке». Напротив наших мест женщина достала шоколадку, не предложив нам она не могла, да и сделала это вполне искренне, как мне тогда показалось. Ну, мы расхватили, как саранча, ту шоколадку. Ю. Б. взмыл коршуном, получили мы разнос за объедание соседей, было стыдно и неудобно. Казалось бы, «чего такого», но нет, я уверен – Ю. Б.

был прав, думаю, не нужно объяснять: понимание рождается на уровне ощущений. А было это, к слову, начало 90-х, совсем не сытых. Как-то, помнится, в гимназии нам ещё сухое молоко в качестве американской «гуманитарной помощи» несколько раз раздавали, но это я отвлекся.

И история наоборот, которая тоже прочно в памяти – тоже в поездке, в автобусе я смачно грыз яблоко (по-моему, у меня тогда целый пакет яблок с собой был). Ю. Б. тут как тут. Через пару минут я, уже сгорая от стыда, что сам не догадался этого сделать, делился яблоками.

ВАМ КУШАТЬ ИЛИ ЖРАТЬ?

Незабываемое объяснение эмоциональной окраски глаголов: мы повторяли безвкусное слово «кушать» и густо окрашенное «жрать». Не то чтобы я теперь всегда говорю «жрать», скорее, стараюсь заменять другими, правда, тоже окрашенными, но не так сильно, синонимами, но вот употреблять в речи пресное «кушать» после того урока уже никогда не хотелось. «Кушают

водку!» – любил повторять он в ответ на очередную попытку использовать это «тракторное», по его мнению, слово в рассказе о приеме пищи.

Ю. Б. любил речь, богатство языка и физически морщился, когда мы показывали себя «Эплочкой-людоедкой», которая, как известно, ограничивалась тридцатью «придирчиво выбранными... из всего великого, много-словного и могучего русского языка» словами. Смею думать, что любовь к неожиданному хлесткому слову Ю. Б. передал всем нам. Быть точным в описаниях, оперировать подходящими нешаблонными словами, быть нетривиальными и небанальными – всё это воспитывал в нас Ю. Б. Он не ленился достать с полки этимологический словарь, не ленился, а, наоборот, любил делать выписки, порой довольно обширные, из любимых слов ему книг: он тоже делал «зарубки»...

Пусть же эти небольшие заметки о тех уроках, которые он нам преподавал, останутся и в нашей памяти об этом замечательном человеке.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ:

Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского;

Екатерину Николаевну КОПЫТ за замечательные фотографии наших номинантов, сделанные специально для этого издания;

выпускников и их родителей, сотрудников и друзей гимназии, в разное время поддерживавших и до сих пор поддерживающих премию:

Андрея Балинского, выпуск 1998 г.; **Марию Андрееву (Бардукову)**, выпуск 2000 г.; **Алексея Баукина**, выпуск 1999 г.; **Илью Бера**, выпуск 1998 г.; **Наталью Варако (Загянскую)**, выпуск 1992 г.; **Александра Давыдова**, выпуск 1986 г.; **Екатерину Давыдочкину**, выпуск 2002 г.; **Наталью Егорову**, выпуск 1989 г.; **Валентина Жмуркина**, выпуск 1992 г.; **Екатерину Канаеву (Сергиенко)**, выпуск 1992 г.; **Юлию Коршакову**, выпуск 2000 г.; **Дмитрия Кухтина**, выпуск 1994 г.; **Юлию Лукьянову (Иванекину)**, выпуск 1998 г.; **Александра Мацука**, выпуск 1985 г.; **Марину Юрьевну Папанкину**; **Андрея Петухова**, выпуск 1999 г.; **Григория Петушкова**, выпуск 1996 г.; **Светлану Пороскову (Калинину)**, выпуск 1992 г.; **Владимира Рыбина**, выпуск 1998 г.; **Екатерину Ряхину**, выпуск 2002 г.; **Ирину Юрьевну Савкину**; **Анну Ситас**, выпуск 2000 г.; **Максима Слешина**, выпуск 1992 г.; **Андрея Столярова**, выпуск 2000 г.; **Наталью Токсанбаеву**, выпуск 1994 г.; **Бориса Федякова**, выпуск 1990г.; **Юлию Чечик (Козыреву)**, выпуск 2000 г.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ:

Борис Веденский, выпуск 2003 г.;
Матвей Геллер, выпуск 1985 г.;
Сергей Говоров, выпуск 1998 г.;
Светлана Гончарова, выпуск 1985 .;
Дмитрий Карцев, выпуск 2003 .;
Ольга Колчугина, Михаил Левит,
Глафира Леонова, выпуск 2010 г.;

Антон Молев, выпуск 1995 г.;
Марина Полетаева, выпуск 1986 г.;
Владимир Рудаков,
Елена Серова, выпуск 1993 г.;
Ольга Смирнова, выпуск 1985 г.;
Алексей Фалько, выпуск 1992 г.;
Григорий Шандалов.

Над номером работали
 Редакторы: **В. Н. Рудаков**,
А. И. Молев, **Д. А. Карцев**.
 Верстка: **Н. Е. Пыльнева**
 (журнал «Историк»)).
 Корректура: **И. А. Черникова**.
 Фото: **Е. Н. Копыт**, **М. В. Малиновская**.
 Рисунки: **М. Трофимова**.
 Тираж: 150 экз.

Пирятинская премия – это частная инициатива, осуществляемая на личные средства тех, кто поддерживает идею присуждения премии.

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ имени Ю. Б. ПИРЯТИНСКОГО,

переведя любую сумму в премиальный фонд:
 карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339,
 телефон: 8-985-774-38-90,
 казначей премии – **Гончарова Светлана Витальевна** (выпуск 1985 года).